

Написано 19 августа 2015г.

Владимир Гаппов

Диалектика — миф

Предисловие

К сожалению, в России есть еще не мало марксистов-гегельянцев, находящихся в плену заблуждения, будто бы существует диалектическая логика, и противопоставляющих эту диалектическую логику обычной аристотелевской логике, которую они называют "формальной". В связи с этим появилась настоятельная необходимость окончательно разобраться с гегельянством в марксизме и поставить в этом вопросе жирную точку. Кроме того, разобраться следует и с отпрыском гегельянской философии, именуемым диалектическим материализмом.

Пусть те, кто называют себя коммунистами, назовут меня ревизионистом, но правда от этого не перестанет быть правдой. Любой, кто внимательно и непредвзято прочтет этот труд, увидит, что здесь нет никакого прислужничества буржуазии, а есть искреннее побуждение установить истину. И если это - ревизинизм, то только в самом хорошем смысле этого слова, а не в том, как его принято понимать в коммунистическом движении. Если же кто-то сочтет мои рассуждения неверными, то пусть он противопоставит этому вразумительные доказательства, а не ссылку на авторитеты Маркса, Энгельса или Ленина и на догмы такого типа, будто диалектика является душой марксизма и пр. ахинею.

Хочется сделать небольшое замечание по поводу указания используемой литературы, которое по традиции принято делать в исследовательских трудах. Я позволю себе нарушить эту традицию, учитывая современное развитие интернета. Любой, кто захочет проверить правильность примененного мною цитирования того или иного автора, может легко вбить цитату в поисковую систему или скачать труд, из которого она взята, и найти ее при помощи нажатия клавиш Ctrl-F.

Заняться изучением данного вопроса меня побудил интересный спор с одним человеком, который активно пропагандирует диалектику или, как он ее еще называет, диаматику. В своих статьях он и его товарищи, возвеличивая материалистическую диалектику, ставят ее выше других наук, а если говорить об области мышления, то выше логики. *"Диалектика - пишет Петрович* (это ник одного блогера в социальной сети livelournal) *в своей статье "Диалектика и формальная логика" - шире формальной логики".* Само собой разумеется, что это высказывание привлекло мое внимание. Я отправил письмо товарищу Петровичу с просьбой, чтобы он разъяснил мне, каким это образом в области мышления что-то может быть шире логики, если логика является наукой о законах и формах правильного построения мыслей, т.е. наукой о мышлении (не в смысле физиологии, а в смысле умения рассуждать). В ответах мне Петрович извивался как уж на сковородке, защищая свое понимание диалектики. Но все это было ничем иным, как софистикой. Ничего внятного я не услышал, кроме многочисленных отсылок на Энгельса, дескать, у него там все уже подробно разжевано. По поводу Энгельса мы обстоятельно поговорим ниже, а пока остановимся на высказываниях данного персонажа.

Как я уже сказал, логика - это наука о мышлении. При помощи мышления мы имеем возможность познавать этот мир, устанавливая законы, по которым развиваются те или иные события. Благодаря мышлению мы можем сравнивать, анализировать, обобщать предметы и явления... Мы можем выделять главное и находить причинно-следственные связи. Но все это мы можем делать без знаний каких-либо правил построения мыслей. Наши древние предки знали, что из того или иного дерева может получиться хорошая лодка, а из шкуры животного - теплая одежда. Чтобы понимать это, им вовсе не нужно было знать логику. Но также как изучение грамматики языка повышает культуру речи, точно также изучение логики повышает культуру мышления. Наука "Логика" для того и была создана, чтобы упорядочить наши мысли, чтобы процесс мышления, познания мира, сделать более результативным, а общение людей сделать более понятным.

Как и любая наука, логика изначально не может быть совершенной. Лишь с течением времени она обрастает новыми законами и приемами, становится шире и глубже. И вот на определенном этапе развития люди, недовольные несовершенством логики того времени, придумывают что-то, что является ничем иным, как софистикой, которая позволяет найти ответы (или вернее подогнать рассуждения под заранее заготовленные ответы) на абсолютно любые вопросы с новым названием диалектика. А потом они нарекают ее самостоятельной наукой и противопоставляют логике. Да не только логике, но и всем другим наукам. И более того, провозглашают ее всеобщей наукой, наукой всех наук. Отныне старая логика называется формальной логикой, а «диалектика» новой логикой. Но если мы учтем, что диалектика - наука наук, то старая физика у нас становится формальной физикой, а старая химия становится

формальной химией. И все это применительно также и к другим наукам. К каждой новой теории в любой науке теперь можно делать приставку "диалектическая".

Более того, логика отныне является уделом первокурсников от марксизма, а вот настоящие ученые должны изучать серьезную науку. "Владение логикой – утверждает Петрович – отнюдь не является критерием научного мышления". И добавляет, что "среди нынешних коммунистов" есть масса людей, которые владеют формальной логикой. И "прикладывают" они ее, вполне логически выстраивая свои оппортунистические рассуждения". Кто не знает, поясню, что с точки зрения диалектиков оппортунисты – это все те, кто не владеет диалектикой. "Опортунистическое рассуждение" можно перевести, как рассуждение, противоречащее законам диалектики, т.е. неверное. Если упростить утверждение Петровича, то получается, что "коммунисты" (читай, оппортунисты) "прикладывают" логику, логически выстраивая свои неверные рассуждения. Это весьма интересно! Хотелось бы увидеть на примере, каким это образом можно логически выстраивать неверные рассуждения.

И Петрович дает нам этот пример:

"Однако, привести в пример логически верное, но абсурдное, с точки зрения диалектики, рассуждение оппортуниста не составляет труда.

Самодержавный царский режим сажал коммунистов в тюрьмы, препятствовал коммунистической пропаганде, подавлял буржуазные свободы. Поэтому Ленин считал первоочередной задачей коммунистов ликвидацию диктаторского самодержавного режима, пусть даже в союзе с буржуазией. Путинский режим тоже сажает коммунистов в тюрьмы, препятствует коммунистической пропаганде, подавляет буржуазные свободы. Следовательно, его ликвидация тоже является первоочередной задачей, пусть даже в союзе с буржуазией. С точки зрения формальной логики, тут все безупречно."

С точки зрения Петровича может и безупречно, а вот с точки зрения логики – нет. Если во времена Ленина и сажали коммунистов, то во времена Путина сажают кого-угодно, но только не коммунистов. Если даже и сажают кого-то, кто называет себя коммунистом, то в качестве этого "коммуниста" можно сильно усомниться. Даже Зюганова бы не стал называть коммунистом, т.к. лозунги его партии скорее близки к буржуазным. А потому слово "коммунистов" в этом примере нужно было поставить в кавычки. Если употребить в данной ситуации более уместное слово "оппортунист", то вся "формальная" стройность логики тут же разрушается.

Далее, пример состоит из двух утверждений. В первом утверждении применен логический метод, который называется индуктивным. Даже если бы подмены понятия не было совершено, то вывод бы все-равно был ошибочным, т.к. индуктивный метод может дать только возможный результат. "Самодержавный царский режим сажал коммунистов в тюрьмы, препятствовал коммунистической пропаганде, подавлял буржуазные свободы" – все это не дает нам исчерпывающего представления о ситуации в те времена, т.к. это простое перечисление. Единственное, что может нам дать точное представление – это сочетание данного метода с дедуктивным

методом, где бы мы увидели картину в общем. Например: "Буржуазная демократия является мостом к социализму, а потому надо устранить препятствие для буржуазной демократии в виде царского режима в России". Сразу все становится понятным и видно, что два данных в примере утверждения с точки зрения логики не имеют друг с другом абсолютно никакой связи. Естественно, дедуктивный метод не всегда можно применить. Если информации недостаточно, в нашем распоряжении есть только индуктивный метод, то максимум, что мы можем сделать - прийти к возможному выводу. Второе же утверждение строится по аналогии с первым, что точно также как и в случае с индуктивным методом может дать только возможный вариант. С точки зрения даже "формальной" логики правильным выводом было бы: "Возможно, его ликвидация тоже является первоочередной задачей, пусть даже в союзе с буржуазией". Заметим, что не "следовательно", а "возможно". Заменено одно слово, а как поменялся смысл. Такой вывод подразумевает дальнейшее исследование, которое, возможно, опровергнет данный вывод. Поэтому слово "возможно" гораздо уместнее слова "следовательно". Вот теперь с точки зрения логики все безупречно. При помощи логических рассуждений мы пришли к верному выводу, верному настолько, насколько позволяет наличие информации, содержащейся в этих посылках. Тезис Петровича о том, что логически рассуждая можно прийти к неверному выводу не доказан.

После этого примера Петрович начинает оправдываться:

"С натяжкой можно, конечно, сказать, что оппортунист в данном случае подменяет понятия. То есть в первом тезисе речь идет о реальных коммунистах, а во втором - о коммунистах лишь по названию. Но тут мы снова попадем в область диалектики, поскольку речь пойдет не об определении коммуниста, а о качестве, которое делает из обычного человека коммуниста."

Но только вот если так рассуждать, то тогда мы можем вообще забыть, что такое "подмена понятия", т.к. с точки зрения неогегельянской диалектики можно любое понятие истолковывать так, как ты захочешь. Например, если сказать: "Вулкан - это гейзер, значит гейзер - это вулкан" - то это будет подменой понятия, т.к. в первом случае под словом "вулкан" обозначаются складки местности, а во втором случае подразумевается способность извергать горячие потоки. Если мы установим для слова "вулкан" одно значение, а именно будем подразумевать под ним складки местности, то вывод "гейзер - это вулкан" будет неверным. Но это с точки зрения логики. А с точки зрения диалектики можно сказать так: "Гейзер выбрасывает свои частицы в воздух, в кругообороте веществ за миллионы лет эти частицы бесчисленное множество раз меняют свое качество и в итоге превращаются в складки местности. Если взять промежуток в несколько миллионов лет, то можно сказать, что гейзер - это вулкан именно в обозначенном нами смысле". Также и тут. Петрович нам хочет подсунуть такое же рассуждение, что эти современные "коммунисты" - вовсе и не коммунисты, но они изначально обладают качеством, которое может их сделать коммунистами, и, соответственно, они с точки зрения, как бы, уже и коммунисты, хоть и потенциально.

Там, где мировоззрение противоречиво, рассуждения волей-неволей начинают хромать, либо начинают превращаться в софистику. У всех диалектиков можно заметить одну нехорошую черту. Все свои примеры они подгоняют под диалектику, нарочно делают логические ошибки, чтобы выводы были в пользу диалектики, но при этом тщательно маскируют свои ошибки, чтобы рассуждения казались логичными. Приведу пример.

В предисловии к своей книге "Наука логики" Гегель говорит о логике: *"Правда, тот предрассудок, будто она научает мыслить, в чем раньше видели приносимую ею пользу и, стало быть, также и ее цель (это похоже на то, как если бы сказали, что только благодаря изучению анатомии» и физиологии мы впервые научаемся переваривать пищу и двигаться) – этот предрассудок давно уже исчез, и дух практицизма уготовлял ей не лучшую участь, чем ее сестре"*. Софистика! Если Гегель применяет слово "только" к физиологии и анатомии, то и в этом отрывке: *"...будто она научает мыслить..."* тоже нужно было поставить "только". Если применять аналогию, то делать это нужно правильно, а иначе получается пустая игра слов. Естественно, что мы учимся ходить и переваривать пищу без знаний анатомии и физиологии. Но благодаря им мы можем значительно улучшить течение процессов, происходящих в наших органах. Мыслить нас учит не только наука логика, но в том числе и она. Поэтому вполне будет верным сказать, что логика учит мыслить. И это вовсе не предрассудок.

Другой пример. *"Мало того. По аналогии с знакомыми нам в каждом из этих рядов телами мы можем строить выводы о физических свойствах не известных нам еще членов такого ряда и предсказывать с достаточной уверенностью – по крайней мере для следующих за известными нам членов ряда – эти свойства, например точку кипения и т. д."* – говорит нам Энгельс в своем труде "Диалектика природы", применяя "закон" диалектики перехода количества в качество применительно к химическим элементам. Но только вот в логике есть определенная система под названием "классификация", которая позволяет распределять те или иные предметы и явления по классам. Если расположение элементов выполнено правильно, то на ее основе можно предсказать недостающие элементы. Примером классификации служит "Периодическая система элементов" Менделеева, где элементы расположены в порядке возрастания атомных весов и по признаку однотипности химических качеств. Конечно, если надо доказать несостоятельность логики и вездесущность диалектики, то можно абсолютно все приписывать ей. Ведь она изучает мир во взаимосвязях.

"Менделеев, применив бессознательно гегелевский закон о переходе количества в качество, совершил научный подвиг" – говорит нам Энгельс. Но когда я слышу что-то подобное, это мне кажется как минимум странным. Можно применить прием, можно применить метод. Но чтобы закон... А закон притяжения он случайно не применял?

Сторонники диалектики выдвигают тезис, будто бы «формальная» логика не учитывает взаимосвязи объектов, изучает их только обособленно друг от друга. Но мало кто из диалектиков знает, что в логике есть такой прием как "синтез", который позволяет

расчлененные детали того или иного механизма рассматривать как целое во взаимосвязи частей. Т.е. если мы мысленно путем анализа разложили мотоцикл на детали и более мелкие механизмы, изучили их, а потом мысленно снова собрали из них мотоцикл, то мы будем учитывать, каким образом каждая деталь соотносится с любой другой, на что она влияет и зачем она нужна. Благодаря синтезу мы будем знать, как та или иная деталь влияет на работу мотоцикла. Покажите мне того идиота, который скажет, что здесь не учитываются взаимосвязи! Сам по себе синтез – это установление взаимосвязей. Для чего тут еще и какая-то диалектическая логика?

Даже сама "аналогия", которую Энгельс применяет в своих рассуждениях является приемом логики. Везде, где мы видим здравые рассуждения гегельянцев, мы их легко можем обосновать логически. Но как только в оборот вводится диалектика, так в ход идут сплошные логические ошибки, так называемая софистика.

Автор газеты "Прорыв" Валерий Подгузов в статье "В помощь изучающему диалектику. Часть 1" сообщает нам о диалектическом мышлении следующее: *"Если же учесть, что ДЕЙСТВИТЕЛЬНО диалектическое мышление ВСЕГДА открывает НОВЫЕ, следовательно, РЕВОЛЮЦИОННЫЕ, т.е. созидающие законы мышления и деятельности во всех сферах, то мы неизбежно приходим к выводу, что русским смысловым эквивалентом выражению "диалектическое мышление" является выражение "ТВОРЧЕСКОЕ, (ТВОРЯЩЕЕ, СОЗИДАЮЩЕЕ) МЫШЛЕНИЕ"*. Такую галиматью мог написать только истинный диалектик. Диалектическое мышление – это, оказывается, своеобразный генератор созидающих законов, который открывает их "всегда", даже сидя в туалете. Более того, его не смущает то, что созидающих законов не бывает. Есть просто объективные законы, открытые людьми, которые они могут либо использовать в своих целях, либо игнорировать. Но если человек все-таки использует закон в целях созидания, то от этого сам закон созидающим не становится. Далее, Подгузов пишет: *"новые, следовательно, революционные"*. Ему не известно, что не всегда новый открытый закон совершает переворот в науке. Иногда закон подтверждает мысли предыдущих исследователей, которые гипотез о самом законе не выдвигали, но стихийно мыслили в данном направлении, что позволило следующим поколениям приблизиться к открытию закона. Когда открывается такой закон, он необязательно совершает переворот, а потому словечко "революционные" здесь неуместно. Я понимаю, хочется, чтобы статья выглядела как можно более ррреволюционно. Но все-таки, думаю, к словам нужно относиться аккуратнее.

А что мы можем сказать о "творческом мышлении"? А то, что это является прекрасным образцом того, как человек путается в понятиях. Если диалектическое мышление – это творческое мышление, то тогда, получается, что диалектика – это творчество. Вот так при помощи ловкой игры слов можно прийти абсолютно к любому выводу. Здесь автор пришел к тому, что диалектика – это творчество, в другом месте он доказывает, что диалектика – это наука, причем всеобщая. В третьем месте он утверждает, что диалектика – это метод. Также я не стану особо распространяться по поводу той избитой истины, что творит не мышление, а практически действующий

живой человек, но лишь скажу, что это являются наглядным примером отвратительного самодовольства, при котором автор, очевидно, считает себя весьма одаренным индивидом на фоне бездарной серой массы.

Мышление – это психический процесс, который направлен на то, чтобы обобщенно и опосредованно познавать объективную реальность. Оно не может быть ни творческим, ни каким-либо другим. Оно просто познает, выводит наиболее общие законы, закономерности, по которым происходят те или иные явления. Когда выведены законы природы, неизбежно следуют выводы о том, как следует поступать дальше. Например, когда Маркс открыл закон прибавочной стоимости он увидел, что любая прибыль в капиталистическом обществе появляется из способности рабочей силы создавать стоимость большую, чем того требует ее воспроизводство. Капиталист присваивает себе прибавочную стоимость, созданную рабочим, оплачивая ему только потребление основных средств существования, нужных для поддержания жизни. Но, чтобы рабочий согласился на такую невыгодную сделку, нужно, чтобы создались такие условия, когда бы у него не было другого выбора. Нужно, чтобы он оказался в такой ситуации, когда он не мог бы самостоятельно производить средства для существования, когда он был бы отделен от средств производства и вынужден был продавать последнее, что у него осталось – свою рабочую силу. Ситуация такова, что те, кто имеют средства производства, эксплуатируют тех, кто их не имеет. Очевидно, для того, чтобы устранить эту несправедливость нужно вырвать средства производства из частных рук и сделать их общественными. Очевидно также, что недостаточно просто распределить средства производства. Это надо сделать в определенный момент, когда средства производства достигнут такого уровня развития и концентрации, что это позволит управлять ими централизованно на основе научного планирования. Если просто произвести перераспределение, то это не решит проблему. Средства производства снова начнут концентрироваться в одних руках и исчезать из других. Так дела обстоят согласно марксизму. Здесь мы можем видеть, как один вывод естественно вытекает из другого, делает это закономерно. Благодаря познанным законам мы можем знать, что делать дальше. Если законы верно отображают реальные связи, то и выводы при верных рассуждениях не могут быть разнообразными. Истина всегда конкретна. И задача мышления – найти ее и в соответствии с ней согласовать деятельность человека.

Воображение дает нам возможность наглядно представлять то, каким образом мы будем действовать, наглядно представлять то, как должны выглядеть предметы, в которых мы нуждаемся и которые мы должны создать. Когда фотограф получает заказ по фотосъемке, он знает, что он должен делать, знает, какими средствами он будет выполнять свою задачу. Но при этом он прокручивает в голове в виде своеобразных картинок, какие фотографии могут получиться в том или ином месте, представляет процесс будущей работы со стороны, представляет некоторые возможные диалоги с заказчиками. Благодаря воображению мы можем получить представление о чем-либо, не взаимодействуя с ним непосредственно. Например, мы можем

попытаться сконструировать модель коммунистического общества на основе той информации, которой мы обладаем, я имею ввиду, попытаться получить представление в виде наглядного образа. Чем полнее будут данные об этом обществе, тем более правильная картина будет вырисовываться в нашем воображении. Как видно из этого, оно все-таки зависит от имеющейся в распоряжении информации и мышления, которое эту информацию перерабатывает. Воображение из ничего ничего не создает. Оно всегда перерабатывает свои ощущения, восприятие, знания и выдает новую картинку, состоящую из старых частиц. Воображение тесно связано с мышлением и всегда его сопровождает. Благодаря мышлению оно получает данные для своих картинок, своеобразный набор элементов, благодаря которым оно будет строить свои образы. Мышление и воображение всегда идут рука об руку. Воображение дополняет мышление наглядностью, а мышление дает воображению данные для наглядности. Тот, кто мало-мальски находится в здоровом уме не будет утверждать, что существуют люди, у кого напрочь отсутствует воображение. Оно есть у всех. Утверждать, что существует творческое мышление значит одновременно утверждать, что существует нетворческое мышление. Это тоже самое, как если бы кто-то заявил о том, что существует холодный лед. Но это будет полной глупостью. А значит, раз нет смысла говорить о творческом мышлении, то и нет надобности создавать науку, изучающую творческое мышление. Достаточно уже той, которая изучает просто мышление и которая называется логикой. Вообще, деление мышления на творческое и нетворческое и даже на правильное и неправильное некорректно. Есть просто мышление, которое развито в той или иной степени. Если человек делает неверные выводы, то проблема: 1) в неверности исходных посылок, ложной информации; 2) в неумении хорошо мыслить, неумении полноценно использовать логику, стихийное применение логики.

"Таким образом, с точки зрения достаточного определения, диалектический или ТВОРЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ есть наука о законах добросовестного мышления, в основе которого не лежит ничего, кроме объективных законов движения от незнания к объективной истине, от явления к сущности все более высокого порядка." - сообщает нам Подгузов в той же статье. А вот во 2 части этой статьи он пишет уже вот что: *"Диалектический материализм это ПРЕДЕЛЬНО СИСТЕМНЫЙ, СУЩНОСТНОЙ, КОМПЕТЕНТНЫЙ метод мышления без права на ошибку."* Т.е. *"творческий материализм есть наука"*, но он же, одновременно, еще и *"метод мышления"*. А диалектика тогда что?! Какой мы можем отсюда сделать вывод? Отбросив пока в сторону игру слов наука-метод, получается, диалектический (творческий) материализм есть материалистическая диалектика. Что это - логическая ошибка или ошибочная логика? Игра слов или демагогия? А может быть это две разные науки и, одновременно, два разных метода?

Попробуем обратиться к Сталину. Вполне возможно, он поможет нам разъяснить ситуацию. В своем сочинении *"Анархизм или социализм?"* товарищ Сталин сообщает нам следующее:

"Марксизм - это не только теория социализма, это - цельное мировоззрение, философская система, из которой само собой вытекает

пролетарский социализм Маркса. Эта философская система называется диалектическим материализмом. Поэтому изложить марксизм – это значит изложить и диалектический материализм. Почему эта система называется диалектическим материализмом? Потому, что метод ее – диалектический, а теория – материалистическая." Здесь мы видим, что диалектический материализм – философская система. Но система чего? Наверно, все-таки система законов. Насколько мы знаем из марксистских источников, идеализм опровергнут, что он является уделом религий, сект и прочих мракобесий, и единственным верным взглядом на устройство мира является материализм. Раз материализм на данный момент полностью исчерпывает философию, раз он по словам Энгельса отменяет ее, т.к. не о чем больше спорить, раз, к тому же, это еще и система законов, то мы можем прийти к логическому заключению, что диалектический материализм – это все-таки наука. Стало быть, господину Подгузову должно стать стыдно, что он диалектический материализм назвал методом. Можно, конечно, усомниться и в словах товарища Сталина. Но пока его формулировка выглядит гораздо более убедительно.

"Но постойте!" – слышим мы отчаянный возглас господина Подгузова – "Дайте мне шанс оправдаться!". Хорошо! Послушаем, что он может нам поведать: "Творческий материализм есть система теоретически сформулированных наиболее общих законов развития знаний о законах развития бытия, в том числе и сознания, за пределами наших текущих знаний об этих "предметах". Т.е. Подгузов все-таки решил признать, что диалектический материализм – это наука. Но что он сообщает нам еще? "Подобно тому, как не существует "массы покоя" фотона, – говорит нам Подгузов двумя предложениями ниже, – не существует и "консервированного" творческого материализма, т.е. диалектики в покое." Не смотря на отрыв мною этой цитаты от контекста нас здесь интересует именно "...творческого материализма, т.е. диалектики..." Все-таки диалектический (творческий) материализм есть диалектика. Нашу догадку и наше разоблачение подтвердил сам Подгузов. Но вот товарищ Сталин с ним не согласен. Он утверждает, что диалектический материализм – это философская система, а диалектика – метод. Но в чем заключается диалектический метод? Что, вообще, такое метод? В словарях можно встретить различные определения этого понятия. Но большинство из определений все-таки сходятся на том, что это совокупность приемов, применяющихся согласно определенному плану действий.

"Диалектический метод говорит, что жизнь нужно рассматривать именно такой, какова она в действительности." – читаем мы у Сталина – "Движение эволюционно, когда прогрессивные элементы стихийно продолжают свою повседневную работу и вносят в старые порядки мелкие, количественные, изменения. Движение революционно, когда те же элементы объединяются, проникаются единой идеей и устремляются против вражеского лагеря, чтобы в корне уничтожить старые порядки и внести в жизнь качественные изменения, установить новые порядки.... Следовательно, все в природе должно рассматриваться с точки зрения движения, развития."

Я не вижу здесь какой-либо совокупности приемов. С натяжкой

можно было бы назвать рассмотрение природы "с точки зрения движения, развития" приемом, который всего лишь является альтернативой более понятных логических приемов, но никак не совокупностью приемов. И уж точно мы не видим здесь плана действий. Мы видим просто некую констатацию факта, мы видим здесь также размытое положение закона диалектики о переходе количества в качество в определенных узловых точках. Но мы не видим тут никакого метода. Кроме того, мы не можем тут говорить о каких-либо законах. *"Что же касается форм движения, что касается того, что, согласно диалектике, мелкие, количественные, изменения в конце концов приводят к большим, качественным, изменениям, - то этот закон в равной мере имеет силу и в истории природы."* Законы выводят науки. Метод может быть применен лишь согласно законам. Не может быть у диалектики закона, т.к. она - не наука. Но как метод она тоже несостоятельна, ибо нет у нее совокупности приемов или каких-либо действий, применяющихся согласно какому-либо плану. Значит, диалектика и не метод. Что тогда это такое? Если мы уберем все неверное словоупотребление у Сталина, то окажется, что диалектика - это и есть закон природы, научная констатация, как эволюция Дарвина, как сила притяжения или сила трения. Пока временно примем это определение материалистической диалектики в качестве верного и отложим его в сторону.

Для полноты изложения было бы уместным привести еще некоторые высказывания касавшиеся этой темы. В том же сочинении под названием "Анархизм или социализм?" Сталин ставит следующий вопрос: *"Но как совершалось это развитие: сознание ли вызывало развитие "природы" и "общества", или, наоборот, развитие "природы" и "общества" вызывало развитие сознания?"* И показывает, что в материалистической теории материя (природа) первичнее сознания.

Точно также и Ленин в своей книге "Материализм и эмпириокритицизм" в 3 главе в параграфе "Что такое материя? Что такое опыт?" материалистическую теорию выражает следующим образом: *"материя, природа, бытие, физическое есть первичное, а дух, сознание, ощущение, психическое - вторичное."*

Нам здесь важно не то, что говорится в материалистической теории, а то, что говорит это именно материалистическая теория. В "Философских тетрадах" же Ленин ничего не имеет против, когда А. Деборин это материалистическое положение подгоняет под диалектику. Вот что он пишет: *"Единство бытия и небытия есть становление; учит диалектика. Переведенное на конкретный материалистический язык, это положение означает, что в основании всего сущего лежит вещество, материя, которая находится в процессе непрерывного развития..."* Странно, что учит не материалистическая теория, а диалектика. Опять все перемешалось, то у нас материя первична согласно материалистической теории, то она первична согласно диалектике. Никакой разницы между терминами, где какой хотим, там такой термин и употребляем. Это то же самое, как сказать, что эволюция учит рассматривать развитие живых существ и т.д. Хотя, если выразиться корректно, то ни диалектика, ни эволюция учить не могут. Их, так как они являются законами природы, можно лишь учитывать в своих исследованиях.

Итак, диалектика — это софистика. Предыдущий ход рассуждений явно на это указывает. Раз диалектика — это инструмент софистики, то три так называемых "всеобщих закона", которые диалектики относят к ней, все-таки надо у нее отнять. Она же не наука. Но раз законы существуют, то к какой-то науке они все-таки должны относиться. Я думаю, логичнее всего их отнести к материализму (диалектики не должны возражать, т.к. сами называют материализм диалектикой), который я буду называть философией, т.к. не вижу причины отказываться от этого названия, как это хотел сделать Энгельс в своем труде "Анти-Дюринг" (то, что философия избавилась от ложной теории, идеализма, не является поводом для того, чтобы менять название науки).

Здесь мы должны немного отвлечься и все-таки более подробно осветить данный момент. Это поможет также гораздо более хорошо обнажить суть диалектики. В трудах некоторых великих материалистов я встретил взгляды насчет того, чтобы считать философию устаревшим и закрытым вопросом. Некоторые материалисты считают материалистическую теорию настолько доказанной, что можно отныне отказаться от философии и рассматривать ее как просто историю развития взглядов к диалектическому материализму. Отныне для них есть только диалектический материализм, а в некоторых случаях и материалистическая диалектика (кому как в голову взбредет). Про то, что такое понимание было у Энгельса я уже написал. Не лишним будет привести высказывания И. Дицгена на этот счет:

"Как этот старик относится критически к своему прошлому, так и Социал-Демократия относится к философии. Последняя есть именно та ложная тропинка, на которой необходимо было заблудиться, чтобы дойти до знания истинного пути. Чтобы идти по верному пути, не давая никаким религиозным и философским нелепостям сбивать себя, надо тщательно изучать неверный путь неверных путей — философию. ...Социал-Демократия высказалась против слова «религия», и я тут настаиваю на том, чтобы она высказалась также против слова «философия». ...В будущем же диалектика, или всеобщее учение о науке, было бы вполне подходящим названием для этого критического предмета..."

В своих философских тетрадях Ленин никак не комментирует данные высказывания. Из этого можно сделать вывод, что либо Ленин не придавал им значения, попросту проглядел, либо что он был согласен с Дицгеном. Я думаю, второй вариант ближе к правде. А потому мы и Ленина можем зачислить в лагерь тех, кто так думает.

Если поверхностно взглянуть на историю философии, то мы, действительно, можем отметить, что это была в основном борьба неправильных взглядов. Взгляды совершенствовались и в конце концов привели к материалистической теории с "диалектическим методом". Но разве не так же обстояли дела с физикой? Разве есть хоть одна теория в физике, вокруг которой бы не было споров и которая бы не подвергалась сомнению? Даже если мы согласимся с какой-то одной теорией в физике, как марксисты соглашались с материалистической теорией, то нам придется эту теорию объявить наукой, а всю физику, только историческим этапом, который вел от неправильных взглядов к

этой теории.

И. Дицген пишет: "Допустим, философия и естествознание трактуют об одном и том же предмете, пользуются одними и теми же средствами, но способ их применения различен. Невольно спрашиваешь себя, что же происходит от этого различия? Результаты естествознания известны. Но в чем выразились результаты философии?"

А разве попытки философов осмыслить этот мир не привели к материалистической теории Фейербаха? Это разве не результат? Дицген предлагает называть "этот критический предмет" диалектикой. Но скажите мне, какие результаты дала она? Чем по сути так сильно отличается материализм Маркса от материализма Фейербаха? Тем, что Фейербах рассуждал метафизично? А может ему просто не хватило сил или знаний, чтобы логически прийти к тому, к чему пришел Маркс? Фейербах не применял в своем учении диалектику. Он отверг ее. Но как же тогда он смог прийти от идеализма Гегеля к материализму? Неужели при помощи одной только формальной логики? Какое богохульство против диалектики! А Маркс, который применял диалектику Гегеля, повернул на сторону материализма благодаря воздействию на него трудов Фейербаха. Разве Фейербах сделал не более крутой поворот в философии, нежели Маркс? Почему же остальные младогегельянцы, владея диалектикой, не смогли повернуть к материализму в отличие от Маркса и Энгельса? Значит логика сильнее диалектики? Да и что такое диалектика в сравнении с логикой? В логике есть и приемы, и правила. А в диалектике? Что там есть кроме 3 законов, которые диктуются как прописные истины (на самом деле метод не может иметь законов, но мы пока это игнорируем)? Я пока не беру во внимание ту критику диалектики, которую я уже провел до этих строк. Даже если взять во внимание трактовку диалектики гегельянцев, то какие она дала результаты? На каком основании мы можем ее считать наукой?

Если отбросить всю эту софистику с диалектикой, то будет видно, что данные различных наук, полученные эмпирическим путем, осмысливались логическим путем. Эти процессы мышления в итоге привели к стройной материалистической теории. Но куда нам отнести эту теорию? Очевидно, что теория – это не наука. И она не может заступить место философии, потому что она пронизывает собой все науки и вбирает в себя абсолютно все факты и теории, которые согласуются с тезисом о первичности материи, вбирает не наиболее общие законы движения материи, а вообще все законы: и общие, и необщие. Да и к тому же, если взглянуть более объективно, то материализм является по сути противовесом идеализма и существует до тех пор, пока существует идеализм. Если идеализм – это идеология реакционных классов общества, которые всегда хотят затормозить развитие общества, законсервировать его, которые ради сохранения своего статуса отрываются от науки и прибегают к догмам, то материализм – это критика идеализма, развенчание догм и мифов и расчистка пути для науки. Если бы не было борьбы классов, то не было бы и идеализма, а потому нам бы не было нужды вообще говорить о какой-либо материалистической теории. Мы бы говорили только о фактах. С философией же дело обстоит не так. Если мы

признаем, что существуют наиболее общие законы движения материи, то должно быть место, куда эти законы складываются, должна быть какая-то почва для их классификации. Вот этим-то местом и является философия, которая уходит корнями в естественные науки и оттуда черпает данные для своих законов.

Теперь, когда мы определили место трех известных диалектических законов, следует рассмотреть, что же в действительности они из себя представляют. Может быть окажется, что и они являются лишь химерами, а вовсе никакими не всеобщими законами движения материи?

Закон взаимного проникновения противоположностей. Тождество.

"Абстрактное тождество ($a = a$ и в отрицательной форме: a не может в одно и то же время быть равно a и не равно a) тоже неприменимо в органической природе. Растение, животное, каждая клетка в каждое мгновение своей жизни тождественны с собой и тем не менее отличаются от самих себя благодаря усвоению и выделению веществ, благодаря дыханию, образованию и отмиранию клеток, благодаря происходящему процессу циркуляции – словом, благодаря сумме непрерывных молекулярных изменений, которые составляют жизнь и общие итоги которых выступают воочию в виде жизненных фаз: эмбриональная жизнь, юность, половая зрелость, процесс размножения, старость, смерть." – пишет Энгельс в "Диалектике природы". Этот пример, пожалуй, один из самых знаменитых у диалектиков, который сразу идет в ход, как только они хотят объяснить, что такое "диалектика". Положение " a в одно и то же время и равно " a ", и не равно" отражает гегелевский закон взаимного проникновения противоположностей. Он противопоставляется логическому закону тождества, где утверждается, что $a=a$.

Логика учитывает, что время течет, мир меняется. Меняется не только природа, но также и понятия. Тем не менее она знает, что мыслить какие-либо предметы или явления во всех их взаимосвязях невозможно. Нельзя сразу в одно и то же время держать в голове объект и обдумывать весь его генезис, все его возможные вариации форм, развития. Нельзя сразу представить в голове то, как этот предмет отдает свое тепло другому предмету, как он пропускает через себя ток, как в нем движутся молекулы, какие химические реакции в данный момент происходят при взаимодействии этого предмета с другими... Все это в голове удержать попросту не получится. Поэтому-то логика и учит, чтобы познать что-то, надо уметь, к примеру, абстрагировать наиболее существенные признаки предмета от несущественных. Если мы хотим купить яблоко, то нас прежде всего интересует его вкус, и мы будем выбирать его именно по этому параметру. Нас меньше всего интересует, сколько атомов кислорода в данный момент с ним соприкасается. Если мы хотим изучить строение скелета живого существа, то нам вовсе необязательно думать в этот же момент о том, каким образом происходит кровообращение. Естественно, изучив строение скелета животного, изучив процессы кровообращения, изучив нервную систему, мы путем синтеза придем к тому, чтобы начать рассматривать эти

части в совокупности. Но это можно будет сделать тогда, когда это будет актуально. И даже при этом нам надо будет для чистоты мысли абстрагироваться от мешающих факторов, от тех явлений, которые могут сбить нас с толку. Таким вот образом, анализируя объекты, сравнивая, отсекая несущественные признаки, классифицируя, синтезируя, выполняя много других действий и, наконец, обобщая мы приходим к выработке все более общих понятий, к открытию законов, по которым происходит движение и развитие предметов и явлений.

Все в этом мире меняется. Но в некоторые промежутки времени объекты материального мира, все же, сохраняют свои черты. Не смотря на то, что любая мебель стареет и гниет, достаточное долгое время мы можем отличать, к примеру, свой стол от стола другого человека. Поэтому, если говорить о данном промежутке времени, мы должны закреплять за понятием его неизменность для того, чтобы другие люди могли понимать, о чем мы говорим, чтобы они знали, что то или иное понятие имеет определенное значение и никакое другое. Логический закон тождества говорит нам о том, что всякое употребленное понятие в дискуссии или в рассуждениях не должно менять своего смысла. Отсюда и появилось положение, что $a=a$. Естественно, это положение не утверждает, что в мире ничего не меняется. Оно создано для того, чтобы можно было рассуждать, для удобства познания и передачи эти знаний между людьми.

Когда Энгельс говорит нам, что "а" может быть в одно и то же время и равно самому себе и не равно, то он не учитывает течение времени во время процесса. Вернее, он смешивает все в кучу. С одной стороны, он говорит, что время течет, и это надо учитывать, а с другой – подсовывает нам изменчивость объекта не в промежуток времени, а в один момент. Кроме того, он, видимо, не учел того, каким образом те или иные объекты, вообще, получают свои названия.

Берем все те же строки Энгельса из его книги "Диалектика природы": *"Растение, животное, каждая клетка в каждое мгновение своей жизни тождественны с собой и тем не менее отличаются от самих себя благодаря усвоению и выделению веществ, благодаря дыханию, образованию и отмиранию клеток, благодаря происходящему процессу циркуляции – словом, благодаря сумме непрерывных молекулярных изменений, которые составляют жизнь и общие итоги которых выступают воочию в виде жизненных фаз: эмбриональная жизнь, юность, половая зрелость, процесс размножения, старость, смерть."*

Если взять промежуток времени даже в секунду, то да, за это время в организме животного произойдет ряд изменений, и оно, действительно, не будет уже самим собой в том смысле, что это уже будет не прежний набор атомов, а несколько видоизменившийся. Но для изучения мы всегда берем наиболее существенные признаки объекта. Существенные признаки будут до сих пор указывать, что перед нами млекопитающее. А как только у данного органического объекта начнут доминировать признаки, к примеру, рыб, то он перейдет в разряд рыб, не смотря на то, что по сочетанию всех признаков вообще он и млекопитающее, и рыба. Именно существенные признаки отображаются в понятиях, а не какие попало. А уже по существенным признакам мы определяем, насколько тот или иной

объект будет пригоден нам в практике, в удовлетворении наших потребностей. И пусть нас господа диалектики не пугают примерами про всяких птиц с клювами, имеющими зубы. Если ученые не могут определить, куда отнести данных существ, то это значит, они просто не сумели пока выделить их наиболее существенные признаки. Когда у объекта исследования выделены существенные признаки, и он получил свое понятие в голове у человека, то теперь человечество знает, что с этим делать и как дальше использовать. Диалектика же не может, в принципе, выработать понятия, а потому и не применима к познанию мира. Чтобы там не разглагольствовали наши уважаемые диалектики об обобщении, диалектика своим отрицанием закона тождества одновременно отрицает и какое-либо обобщение.

"Как и все метафизические категории, абстрактное тождество годится лишь для домашнего употребления, где мы имеем дело с небольшими масштабами или с короткими промежутками времени; границы, в рамках которых оно пригодно, различны почти для каждого случая и обуславливаются природой объекта; в планетной системе, где для обыкновенных астрономических выкладок можно без ощутительной погрешности принимать эллипс за основную форму, эти границы значительно шире, чем при рассмотрении какого-нибудь насекомого, проделывающего весь цикл своих превращений в течение нескольких недель. (Принести другие примеры; например, изменение видов, происходящее в течение ряда тысячелетий.) Но для обобщающего естествознания абстрактное тождество совершенно недостаточно даже в любой отдельной области, и хотя в общем и целом оно практически теперь устранено, но теоретически оно все еще властвует над умами, и большинство естествоиспытателей все еще воображает, что тождество и различие являются непримиримыми противоположностями, а не односторонними полюсами, которые представляют собой нечто истинное только в своем взаимодействии, во включении различия в тождество."

Нас здесь интересует непосредственно эти слова: "Но для обобщающего естествознания абстрактное тождество совершенно недостаточно даже в любой отдельной области...". "Обобщающее естествознание" вполне может обойтись тем, чтобы вывести общее понятие, которое будет в мышлении отображаться согласно закону тождества. И это не будет мешать тому, чтобы это понятие дополнять и улучшать, обобщать еще сильнее.

"Больше того, в физике мы называем северным полюсом собственно южный полюс магнита – полюс, притягиваемый северным полюсом земного магнетизма, – и это ничему не мешает." – говорит нам Энгельс, пытаясь оправдать свою противоречивую игру слов. Но это "ничему не мешает" только в том случае, когда все участники обсуждения договорились о том, чтобы называть южный полюс северным. Если же каждый начнет в разговоре на свое усмотрение менять название полюсов, не уведомляя об этом других, то это начнет мешать и притом даже очень.

Идем далее... *"Нам общи с животными все виды рассудочной деятельности: индукция, дедукция, следовательно, также абстрагирование (родовые понятия у Дидо: четвероногие и двуногие), анализ незнакомых предметов (уже разбивание ореха есть начало*

анализа), синтез (в случае хитрых проделок у животных) и, в качестве соединения обоих, эксперимент (в случае новых препятствий и при затруднительных положениях). По типу все эти методы – стало быть, все признаваемые обычной логикой средства научного исследования – совершенно одинаковы у человека и у высших животных. Только по степени (по развитию соответствующего метода) они различны. Основные черты метода одинаковы у человека и у животного и приводят к одинаковым результатам, поскольку оба оперируют или довольствуются только этими элементарными методами. Наоборот, диалектическое мышление – именно потому, что оно имеет своей предпосылкой исследование природы самих понятий, – возможно только для человека, да и для последнего лишь на сравнительно высокой ступени развития (буддисты и греки), и достигает своего полного развития только значительно позже, в новейшей философии; и несмотря на это – колоссальные результаты уже у греков, задолго предвосхищающие исследование."

Нас здесь, опять же, интересуют всего два предложения: "Только по степени (по развитию соответствующего метода) они различны. Основные черты метода одинаковы у человека и у животного и приводят к одинаковым результатам". Ну вот снова дорогой наш Энгельс приходит к ложному выводу. Хоть "основные черты метода" и "одинаковы", но по степени-то развития "соответствующего метода" "они различны". А, соответственно, и приводят они к результатам не к одинаковым, а к различным.

«Диалектическая логика, в противоположность старой, чисто формальной логике, не довольствуется тем, чтобы перечислить и без всякой связи поставить рядом друг возле друга формы движения мышления.» – говорит Энгельс. В предыдущих рассуждениях я наглядно показал, что это, относительно логики, не так. Этот ляпсус Энгельса можно объяснить только его возрастом, учитывая то, какие безупречные труды он писал до этого.

Затем Энгельс начинает доказывать несостоятельность логики через несовершенство логического приема "индукция": "Путем индукции было найдено сто лет тому назад, что раки и пауки суть насекомые, а все низшие животные – черви. При помощи индукции теперь найдено, что это – нелепость и что существует x классов." Но те, кто знают логику и не утверждают того, что с помощью индукции всегда можно прийти к верному результату. Выше я писал, что индукция позволяет прийти только к возможному результату. Но это своеобразное несовершенство логического приема не делает его ненужным. Бывают ситуации, когда информации так мало, что точного результата получить, в принципе, невозможно. В этом случае получение вывода о возможно правильном результате – это лучше, чем не получить вообще никакого вывода. К сведению, никакая диалектика не поможет, если человек пытается осмыслить неверные данные, ложную информацию.

Словно закрывая глаза на все свои нелепости, Энгельс продолжает: "Для силы мышления наших естествоиспытателей характерно также то, что Геккель фанатически выступает на защиту индукции как раз в тот самый момент, когда результаты индукции – классификации – повсюду поставлены под вопрос (*Limulus* – паук;

Ascidia – позвоночное или хордовое; *Dipnoi* [двоякодышашие. Ред.], вопреки первоначальному определению их как амфибий, оказываются все-таки рыбами) и когда ежедневно открываются новые факты, опрокидывающие всю прежнюю индуктивную классификацию."

Зачем-то ему понадобилось сделать тождественными абсолютно разные понятия. Видимо, не дает Энгельсу покоя то, что классификация безо всякой диалектики справляется с тем, чтобы выявлять недостающие элементы. И он решает приравнять классификацию к "несовершенной" индукции, делая отсюда неверный вывод о том, что и классификация несовершенна и не справляется со своей задачей. Индукция – это такой прием, при помощи которого мы можем из нескольких частных случаев сделать возможный общий вывод. Классификация же никаких выводов делать не призывается. Ее задача – структурировать знания определенным образом. Естественно, если данные для классификации лживы, то и классификация будет выстроена неверным образом. Например, если бы Менделеев не владел полной информацией об атомных весах каждого известного ему элемента, то он вполне мог бы какой-нибудь элемент засунуть не туда. Сначала была добыта подлинная информация об элементах, а только потом произведена их классификация. Но ведь как легко можно ввести читателя в заблуждение, всего-то поставив тире там, где этого делать не нужно. "вопреки первоначальному определению их как амфибий, оказываются все-таки рыбами" – говорит нам Энгельс, но тут мы можем прибегнуть к его способу рассуждений. Согласно диалектике вывод Энгельса слишком поспешен, ибо рыба одновременно является и не рыбой. И пусть попробует кто-нибудь с точки зрения диалектики это опровергнуть!

Как бы все это комично не выглядело но настает момент, который ставит точку в вопросе о тождестве, а именно признание закона тождества самим Энгельсом. "Чтобы понять отдельные явления, мы должны вырвать их из всеобщей связи и рассматривать их изолированно, а в таком случае сменяющиеся движения выступают перед нами – одно как причина, другое как действие." – сообщает классик марксизма нам в главе "О классификации суждений", что коренным образом отличается от того, что он говорил нам раньше: "...и старая, абстрактно формальная точка зрения тождества, согласно которой органическое существо надо трактовать как нечто просто тождественное с собой, постоянное, оказывается устарелой. Несмотря на это, основывающийся на ней способ мышления продолжает существовать вместе со своими категориями". Т.е. сначала он говорит, что органическое существо нельзя абстрактно мыслить тождественным с собой, а потом говорит, что, оказывается, чтобы понять отдельные явления, только так делать и нужно. Но ведь органическое существо и есть отдельное явление. Энгельс просто подошел и пнул и без того умирающую диалектику, сказав: "Поэтому материю и движение можно познать лишь путем изучения отдельных веществ и отдельных форм движения; и поскольку мы познаём последние, постольку мы познаём также и материю и движение как таковые." Связи у нас теперь устанавливаются, как сами собой разумеющиеся.

В своей книге "Анти-Дюринг" Энгельс говорит, что "даже

формальная логика представляет собой прежде всего метод для отыскания новых результатов, для перехода от известного к неизвестному". Что это, как не признание того, что логика способна благодаря только теоретическому исследованию идти дальше эмпирических данных наук? И это очень сильно противоречит высказыванию Энгельса о том, что "диалектическая логика, в противоположность старой, чисто формальной логике, не довольствуется тем, чтобы перечислить и без всякой связи поставить рядом друг возле друга формы движения мышления." Если формальная логика безо всякой связи ставит формы движения, то каким же образом тогда она способна идти от известного к неизвестному? Каким образом она вообще способна что-то исследовать, если она не умеет устанавливать связи, пусть даже и форм мышления? Но Энгельс нам именно это и заявляет. Он также говорит, что "то же самое, только в гораздо более высоком смысле, представляет собой диалектика, которая к тому же, прорывая узкий горизонт формальной логики, содержит в себе зародыш более широкого мировоззрения." В каком это таком "более высоком смысле"? В том смысле, что она расширяет логику новыми инструментами? Если это "тоже самое", то мы можем говорить лишь о расширении инструментария. Но зачем тогда менять название науки? Зачем название логики менять на диалектику? А иногда не просто менять а оперировать этими названиями попеременно. Хотим, называем диалектикой, а хотим - логикой.

Хотелось бы еще разобрать один момент, о котором очень любят поговорить диалектики, о движении, поскольку все проблемы в рассуждениях, связанные с ним, происходят из-за несоблюдения закона тождества. Ленин в своих философских тетрадах по этому поводу говорит:

"Движение есть нахождение тела в данный момент в данном месте, в другой, следующий, момент в другом месте – таково возражение, которое Чернов повторяет (см. его «Философские этюды») вслед за всеми «метафизическими» противниками Гегеля.

Это возражение неверно: (1) оно описывает результат движения, а не само движение; (2) оно не показывает, не содержит в себе возможности движения; (3) оно изображает движение как сумму, связь состояний покоя, т. е. (диалектическое) противоречие им не устранено, а лишь прикрито, отодвинуто, заслонено, занавешено."

В данном случае Ленин не понимает этого софизма диалектики. Диалектики не любят говорить о покоящихся телах, ведь в реальности таковых не существует. Все движется! Если мы говорим о движении в таком ключе, то мы тогда должны забыть и о таком понятии, как "место" (или в других подобных рассуждениях мы должны забыть о понятии «точка»), ибо это чисто абстрактное понятие. В реальном мире никаких «мест» не существует. А раз это так, то говорить о движении объекта через какие-то "места" или «точки», которых в мире нет - это значит лукавить, необоснованно путать слушателя. Если уж мы делим пространство на точки, то мы это делаем сознательно, чтобы было от чего отталкиваться при изучении объекта. А если мы делим пространство, то мы неизбежно делим и время. А раз это так, то объект в один момент находится в одном месте (или проходит его), а в другой момент - в другом. Не надо

смешивать абстрактное с неабстрактным.

Все недоразумения в вопросе о законе тождества происходят от непонимания сути этого закона. В логике и не утверждается, что объекты не должны развиваться или меняться. Природа постоянно течет и меняется, и это никому изменить не дано. Но чтобы познать это изменение, а также чтобы передать полученные знания, нужно на какой-то момент в уме эту природу остановить и расчертить, как расчерчивают контурные карты в географии, дав обозначения тем или иным объектам или явлениям. Никто же не возмущается тем, что на картах постоянно высвечиваются названия городов, прочерчиваются дороги, границы стран и т. д. Мы же не говорим, что эти карты неправильные, что т. к. ландшафт и общество постоянно меняются, города разрушаются, а границы стран передвигаются, то не нужно производить такие чертежи, а нужно мыслить все это так, как оно есть, в движении. Нет, нам удобнее расчертить, создать статичную модель мира, не смотря на то, что в реальности он движется. Преобразовывать реально движущийся мир в статичный – вот назначение мышления. Человек, как особый вид материи, противопоставлен всей остальной материи. И его задача – подчинить себе остальную материю. Сегодня она движется так, как ей угодно. Завтра она должна будет двигаться так, как угодно человеку. Для этого он ее изучает, останавливает в уме, приводит в соответствие с ней свои понятия, затем преобразовывает в уме согласно своим потребностям и заставляет ее в реальности двигаться так, как ему угодно. Диалектики боролись с метафизиками, которые приносили статику в реальный мир. Но борясь с метафизикой в реальном мире и отстаивая его движение, они вдалились в другую крайность и незаконно перенесли его в область мышления, наделили мышление самостоятельной сущностью, которая якобы должна двигаться, забыв, что оно является лишь отражением реального мира и инструментом живого материального организма с потребностями, инструментом в его выживании. Они не поняли того, что это не мышление движется и действует, а движется и действует реально существующий материальный организм. И мышление же для него лишь освещает путь, все это движущееся переплетенное мессиво делает понятным и ясным. Вдавшись в эту крайность, диалектики решили, что и метод познания должен соответствовать их выдуманной сущности. Поэтому они и стали третировать формальную логику, выдвигая ей такие требования, которые не совместимы с ее назначением.

Всем известно, что Гегель был идеалистом. Мышление он ассоциировал с абсолютным духом, а природу считал производной от мышления. Природа у него черпала свое содержание из мышления. Раз мышление у него становится истинно содержательным живым объектом, то естественным образом у него самостоятельной жизнью начинают жить и различные абстракции, которые могут у него и взаимно перетекать друг в друга (как делают противоположности) и становиться источником движения (как им становится «отрицание») и т. д. Если ученые-эмпирики в ходе изучения целого объекта в качестве результата получали какие-то абстракции (например, узнавали противоположности изучаемого явления или феномена), то Гегель, беря эти абстракции в готовом виде, шел в обратную

сторону, пытался породить ими объект. Он шел от расчерченного к нерасчерченному, шел от познанного к непознанному, от противоположностей к единству. Сам Гегель по этому поводу в своей «Науке логики» пишет вот что: *«Природа спекулятивного мышления обнаруживает себя здесь, как на вполне достаточном примере, в своем определенном виде; она состоит единственно в постижении противоположных моментов в их единстве»*. Но в том-то и вся соль, что для мышления не может существовать никаких противоположностей, пока не познано их единство. Мы не можем знать, что то или иное противоположно другому, пока мы не знаем их род, их общее и то целое, противоположными моментами которого они являются. Антагонизм пролетариата и капиталистов был выявлен только тогда, когда уже в общих чертах были постигнуты законы капитализма. До этого пролетариев еще не отделяли от капиталистов и называли их вместе "третьим сословием" в противопоставлении феодальным классам. Мы не говорим, например, что противоположностью капиталиста является еда, которую он ест, или оборудование, которое он эксплуатирует. Мы ему противопоставляем именно пролетария. Это оттого, что мы знаем их общий род, что они прежде всего люди, да не просто люди, а люди капиталистической эпохи. Именно зная общее о них, мы можем выделить их в противоположности, обозначить антагонизм между ними именно как противоположность. Потому что капиталист находится в антагонизме не только с пролетариями. Когда мы говорим о противоположностях, то это уже значит, что они постигнуты в единстве, и задача уже сводится к тому, что делать с этими противоположностями в практике. Гегель же хочет постигать то, что уже известно, хочет пережевывать то, что уже пережевано. Причем делать это он хочет не реальными исследовательскими методами, а путем банального примирения противоположностей. И вот спустя некоторое время Энгельс пишет: *«...большинство естествоиспытателей все еще воображает, что тождество и различие являются непримиримыми противоположностями, а не односторонними полюсами, которые представляют собой нечто истинное только в своем взаимодействии, во включении различия в тождество»*. Как и у Гегеля, у Энгельса здесь противоположности, которые являются лишь абстракциями, живут собственной жизнью и, взаимодействуя, порождают истину. Но давайте вернемся к нашим капиталистам и рабочим. Разве тот факт, что они взаимодействуют, говорит нам о чем-нибудь? Разве не будет полезнее узнать, что они не просто взаимодействуют, а являются противоположностью друг другу, находятся в антагонизме? Разве рабочему не полезнее знать то, что капиталист является ему не партнером, не соратником, а человеком, имеющим принципиально противоположные цели, нежели знать то, что капиталист с ним взаимодействует и что вместе они являются частями целого под названием «капитализм»? Что толку рабочему от последнего знания? Зато рабочему будет полезно знать, что прибыль капиталиста порождается не взаимовыгодным сотрудничеством с рабочим, а путем его эксплуатации. Рабочий получит истинную цель только тогда, когда капиталист в уме будет разведен с ним и обозначен как противоположность. Тогда рабочий будет знать истинную причину своих бедствий и будет знать, как ему

в этой жизни действовать дальше. В этом и заключается знание, а не в том, что противоположности взаимодействуют. То, что реальные объекты сталкиваются друг с другом, имеют противоположные интересы и тем самым взаимодействуют, это понятно любому ребенку и без философии, ибо дается нам непосредственно в ощущениях. Мы это и так видим собственными глазами. Здесь еще нет никакой мудрости, и для этого не нужно какое-то особенное мышление.

Кроме того, интересно бы узнать, каким образом борются или взаимодействуют такие противоположности, как левое и правое или верх и низ? Если мы обозначим стороны куба в качестве левой и правой, а потом развернем этот куб на 180 градусов, то левое и правое относительно нас поменяются местами. Та сторона, которую мы раньше называли правой, будет теперь называться левой, и наоборот. И в этом случае Гегель и Энгельс сказали бы, что противоположности взаимно проникли друг в друга. Но я бы в свою очередь сказал, что это не противоположности проникли друг в друга, а мы лишь дали новые названия сторонам куба, по-другому их обозначили ввиду изменившихся условий. Реальные стороны куба как были противоположны, так и остались и никуда не проникали. Изменились лишь их имена.

Давайте вернемся к нашим рабочему и капиталисту и испытаем их на более сложном примере. Представьте, что в связи с особыми обстоятельствами рабочий вдруг стал капиталистом. В этом случае противоположности ли взаимно проникли друг в друга или это индивид из одной противоположности перешел в другую? Могут сказать, что тот факт, что этот индивид стал капиталистом, будучи раньше рабочим, а не получил, например, это качество по наследству, сильно влияет на его характер как индивидуального капиталиста, что этот новый капиталист является не просто капиталистом, а носит в себе отпечаток своего бытия в качестве рабочего в прошлом. Но это нисколько не меняет того факта, что он стал капиталистом в связи с какими-то внешними обстоятельствами, а не потому что он был рабочим. То, что он был рабочим, еще не означало, что он должен стать капиталистом. Не каждый рабочий становится капиталистом, и здесь даже нет какой-либо необходимой тенденции. Наоборот, то, что рабочий становится капиталистом, это нечто случайное, что происходит вопреки законам капитализма. И потому усматривать это превращение в том, что, дескать, противоположность стремится стать другой противоположностью или взаимодействовать с ней каким-либо образом, неправильно.

Из этого видно, что подобный закон — это лишь красивая обертка, что за ним абсолютно ничего не стоит. Мы можем сказать, что противоположности борются или что они взаимно проникают друг в друга. Или, например, можно сказать, что они наслаиваются друг на друга, образуя более сложные структуры. Все это — не более чем красивая игра слов, которую можно сравнить с поэзией древних греков, создавших абстракции своего быта в виде богов и заставивших их жить своей собственной жизнью.

Именно из-за несоблюдения закона тождества происходит большая часть теоретических ошибок. Тот, кто отказывается устанавливать четкие и определенные значения для обсуждаемых предметов,

неизбежно порождает химеры и громоздит одну неверную теорию на другой. Гегель не хотел давать четкого определения философии. У него она являлась и Логикой, и абсолютным духом, и всем на свете. У Энгельса происходит то же самое. Он не определил место философии в науке, не дал ей четкой дефиниции, откуда и произошел тот казус, что он наделил ее свойствами открывать природные законы раньше, чем естествознание накопит необходимые факты для открытия этих законов. Он считал, что именно философия открыла тот факт, что все развивается и находится в движении, и что это знание теперь надо вложить эмпирическим ученым. Как будто об этом факте не знали еще в древности. Как будто этот факт не был добыт древними из естественнонаучных наблюдений. Как будто метафизичность представлений в средние века не была следствием идеалистического подхода реакционных классов к науке, а якобы является следствием ограниченности эмпирических ученых. Так ведь именно эти ученые и разбили метафизические представления средневековья. Не Гегель разбил, а эмпирические ученые, такие как Дарвин, который не знал ни о какой диалектике и не был философом, что однако не помешало ему рассматривать весь органический мир в развитии. Вопреки голословным заявлениям диалектиков, что, мол, формальная логика ограничена, а также что ее носители, ученые-эмпирики, ограничиваются только общими понятиями, не берут во внимание содержание, в теории эволюции Дарвина мы видим и развитие, и детальную картину происходящего, и самое что ни на есть содержание. И если даже мы возьмем самих Маркса и Энгельса, которые сделали большое количество потрясающих открытий в области экономики, истории и других смежных областях, развенчали какие-то статичные воззрения, то это, опять же, потому что они выступали в тот момент именно как эмпирические ученые, а не как философы, изучали факты, а не выводили все только дедуктивным методом из философских положений. Ведь прибавочную стоимость Маркс вывел не из философии Гегеля, а из трудовой стоимости английских экономистов, положенной еще Уильямом Петти и развитой Адамом Смитом и Давидом Рикардо. Откуда родилась марксовская теория денежного обращения? Из исследования банковских операций. Те же, кто в основу получения знаний ставил философию, а не эмпирические исследования, как например, младогегельянцы, оказались как ученые полными импотентами.

Закон перехода количественных изменений в качественные

Вода при нагревании до 100 градусов резко изменяет свою структуру и превращается в пар. Гегель называет это скачком. В связи с этим появляется вопрос, можно ли назвать смерть человека и разложение его трупа скачком от одного состояния в другое? Можно ли назвать разрушение структуры воды скачком? Если да, то что знание данного факта дает? Возьмем историю. Если можно еще как-то с натяжкой говорить о скачке между феодализмом и капитализмом, когда бурно расцвела промышленность, то можно ли говорить о скачке между рабовладельческим строем и феодальным? Произошел ли скачок в

производительных силах? И насколько быстро произошла смена производственных отношений? Если мы знаем, что переход от капитализма к социализму произойдет революционным путем, то знание этого было дедуцировано Марксом из гегелевского закона перехода количества в качество или из открытых Марксом законов капитализма? Можем ли мы отталкиваясь от гегелевского закона, сказать, что несоответствие производственных отношений производительным силам всегда заканчивается политической революцией? Или все-таки политическая революция относится только к определенным общественным формациям в силу их внутренних законов развития, а не относится вообще ко всем случаям? Правда ли, что выводы Маркса о необходимости революции – это заслуга Гегеля?

Все эти вопросы указывают на догматичный характер данного закона. Он точно так же притянут за уши, как и закон взаимного проникновения противоположностей. Во-первых, он является лишь определенным способом описания тех или иных процессов, конфетной оберткой, которую можно выкинуть и заменить какой-нибудь другой, потому что она не отражает действительных процессов движения, а только описывает их на определенный лад. Действительно, мы можем представить смерть как скачок, как узловую точку гегелевской меры, в которой одно качество резко переходит в другое. А можем и не представлять так. И от этого ровным счетом ничего не меняется в нашей способности познавать этот мир. Потому что даже если мы и представим смерть в качестве скачка, это ни на 1% не даст нам больше возможностей предвидеть, когда и как будут происходить следующие смерти. Во-вторых, этот метод описания подходит далеко не для всех явлений и процессов, хотя Гегель хотел представить этот диалектический закон как всеобщий, который распространяется как на реальные процессы, так и на абстракции и мыслительные категории. Он приводил пример с волосами на коже, согласно которому при выдирании волос наступает тот момент, когда кожа становится лысой и что, якобы, невозможно проследить плавный переход от волосатости к лысости с указанием, какое количество волос символизировало бы о лысой коже, а какое – о волосатой, а что это происходит мгновенно, когда то, что раньше мы считали волосатым, вдруг теперь для нас становится лысым. Но Гегель не понимает, что этим примером он как раз побивает самого себя, ведь здесь мы не наблюдаем той узловой точки меры, которая в его законе обязательно должна наличествовать. Мы можем сказать, при какой температуре должна закипать вода, но мы не можем сказать, при каком количестве волос мы могли бы назвать кожу лысой. Кроме того, если кипящая вода – это нечто абсолютное и никак не зависит от того, как мы на это посмотрим, то вопрос о лысой и волосатой коже – это нечто относительное и зависит только от того, как мы смотрим на предмет. Мы можем и волосатую кожу назвать лысой, если в нашем воображении будет иметься пример гораздо более волосатой кожи.

В «Науке логики» Гегель пишет следующее: *«Эта система есть, с одной стороны, чисто количественное движение в обоих направлениях – постоянное прибавление и убавление, так что каждое число находится в том же арифметическом отношении к своему предыдущему и последующему, в каком эти последние находятся к своим предыдущим и*

последующим и т.д. Но возникающие благодаря этому числа имеют к другим предыдущим и последующим еще и некоторое специфическое отношение: или одно число есть кратное другого и выражено целым числом или степень и корень».

Здесь Гегель хотел и на примере чисел продемонстрировать то, что количество переходит в качество, что определенное количество чисел может по отношению к другим числам иметь иное качество, быть не кратным другого, но вдруг стать и степенью, и корнем. Но это ложный ход размышлений. Дело в том, что число само по себе не имеет какого-то содержания. Это просто обозначение, так же как корень, дробь и т.д. И это обозначение зависит лишь от того, в какой системе отсчета считать или с какой точки смотреть. Здесь нет перехода количества в качество, ибо качества, как такового не было. Чем отличается 1 от 100? Если не привязывать эти числа к чему-либо конкретному, то они являются пустыми символами. Мы можем считать 100 в сантиметрах, а 1 - в метрах. Тогда эти числа выражают одно и то же. Мы можем так же представить эти числа в виде корней или дробей. Это не переход и не скачок, а лишь наша воля давать те или иные обозначения.

Из этих примеров видно, что Гегель не выводит свой закон из реальных процессов, а пытается найти в тех или иных процессах такие стороны, которые бы хоть каким-то образом походили на этот закон. Он не выводит его, а подгоняет явления под него, как делает какой-нибудь двоечник, подгоняющий решение под ответ, или как всегда делали софисты, незаметно для собеседника нарушающие логические законы для того, чтобы получить нужный им результат.

Закон отрицания отрицания

Далее мы можем увидеть, как Энгельс подгоняет пример под закон вместо того, чтобы выводить его из-закона.

"То же самое мы видим в математике. Возьмем любую алгебраическую величину, обозначим ее a . Если мы подвергнем ее отрицанию, то получим $-a$ (минус a). Если же мы подвергнем отрицанию это отрицание, помножив $-a$ на $-a$, то получим $+a^2$, т. е. первоначальную положительную величину, но на более высокой степени, а именно во второй степени."

Спрашивается, с какой стати Энгельс в первом случае, отрицая a , просто меняет знак "плюс" на знак "минус", не производя никакого арифметического действия, а во втором случае, отрицая $-a$, он выполняет умножение? Почему бы не поменять знак обратно? Тогда получилось бы снова a . Или можно было бы выполнить сложение. Тогда бы, вообще, получился 0. Но Энгельса такие результаты не устраивают. Ему надо, чтобы получилось нечто более высокого порядка. Именно поэтому он подсовывает нам умножение, думая, что никто этого не заметит. И, вуаля! Закон доказан! Ирония судьбы здесь в том, что Энгельс прямо перед смертью совершает точно такие же маневры, какие он с Марксом, будучи молодым, критиковал у младогегельянцев в своих трудах «Святое семейство» и «Немецкая

философия».

В примере с зерном он в красках нам расписывает, как зерно отрицает себя, превращаясь в стебель, а потом снова отрицает себя, превращаясь в множество зерен, да не просто зерен, а зерен более высокого качества. Таким образом Энгельс показывает нам, что согласно закону отрицания отрицания все в мире развивается не просто по кругу, а по спирали вверх, достигая все большего совершенства. Все в этом мире, якобы, развивается согласно этому закону. И этот закон не делает ни для кого исключений. Если мы возьмем в качестве рассмотрения человеческое общество, то и тут мы увидим действие закона во всей красе. Сначала общество было первобытно-коммунистическим, где земля и ведение хозяйства было общим. Но уровень производства этого общества был таким примитивным, что это неизбежно привело к появлению рабовладения, а вместе с ним и к первому классовому строю общества. Затем рабовладение сменилось феодальным строем, а феодальный – капиталистическим. За это время уровень производства стал таким совершенным, что близок тот момент, когда оно снова станет общественным, и наступит эра коммунизма, но уже более высокого порядка. Закон отрицания отрицания! Только вот чего не учли сторонники «диалектической логики», так это того, что согласно этому закону после бесклассового коммунистического общества "более высокого порядка" должно снова появиться классовое, которое тоже будет "более высокого порядка". Но согласно теории Маркса это невозможно. Поэтому здесь мы должны констатировать, что либо неверен закон отрицания отрицания, либо неверна теория Маркса. Учитывая, что теория Маркса все-таки подтверждается практикой, придется признать, что неверен закон отрицания отрицания. Вернее, неверно то, что он является всеобщим законом движения материи. Какие-то природные явления вполне могут развиваться по похожему сценарию, а какие-то – нет. Притягивать за уши этот закон ко всем без исключения явлениям, значит заниматься демагогией. Это именно та диалектическая триада, против которой протестовали сами классики марксизма-ленинизма, Ленин и Энгельс, показывая, что Маркс никогда не опирался на нее в своих теоретических исследованиях и если и ссылался на нее (как, например, в «Капитале»), то лишь в качестве придания произведению определенной стилистики.

"Естественно, овладев знанием действия закона отрицания отрицания, исследователь не может обойти вопрос и об отрицании теории коммунизма. Более того, с построением коммунизма, т.е. бесклассового общества, происходит вообще, нечто «ужасное» для начетника, – исчезает практическая необходимость в революционной теории эпохи классовой борьбы, и наступает эпоха развития науки о бесклассовом обществе и, вместо развития теории отрицания капитализма через политические перевороты, диктатуру пролетариата, т.е. через период построения низшей фазы коммунизма, ученые займутся разработкой теории приведения системы общественных отношений в максимальное соответствие общественной сущности индивида, уровню развития средств производства и обращения." – уныло и без фантазии возражает нам Подгузов в очередной статье для

"Прорыва". Т.е., получается, человечество сможет искусственным образом сдержать наступление следующей стадии отрицания и направить развитие общества при помощи науки в прямолинейное русло. Развитие отныне будет идти не по спирали, а по восходящей прямой. Однако, согласно закону отрицания отрицания развитие может идти только по спирали. Если оно не идет по спирали, то значит, собственно, и развития-то никакого нет, а есть стагнация. Не смотря на то, что "вместо развития теории отрицания капитализма" "ученые займутся разработкой теории приведения системы общественных отношений в максимальное соответствие общественной сущности индивида, уровню развития средств производства и обращения", все-таки, закон отрицания отрицания, объективно, никуда не денется. Учитывая, что этот закон "всеобщий, то хотя бы этого ученые или нет, а считаться с ним им придется. А если мы все же решили стоять на том, что при помощи знаний мы можем направить развитие таким образом, как нам это угодно, то тогда мы вынуждены отказаться от закона отрицания отрицания.

Кроме того, что такое по своей сути спираль? Разве спираль образует свои круги не вокруг оси, которая является прямой? Какие бы круги не проделывало развитие, двигаясь по спирали, разве оно не движется ровно в ту же сторону, куда указывает вектор прямой, совпадающий с осью этой спирали? Если мы представим себе тысячу таких спиральных витков, то не сольются ли они перед нашим взором в одну цельную прямую? Учитывая то, что познание человека всегда обобщенно, можем ли мы обобщить настолько, чтобы сказать, что развитие, двигаясь, по спирали, движется по прямой? Можем ли мы предположить отклонение спиральных витков от первоначального вектора развития? Если мы это предположим, то теряет свою основу положение материалистов о возможности на основе знаний предсказывать дальнейший ход развития, т.к. отклонение должно быть либо случайным, тогда возможны любые другие случайные отклонения, либо нести в себе закономерность. Тогда если брать во внимание такую закономерность, Маркс должен был бы прийти к выводам об альтернативах социалистическому строю.

Как мы видим из предыдущего абзаца, закон отрицания отрицания, как ни крути, приводит логически к прямолинейному развитию. Тогда для чего была эта игра словами? Если бы закон отрицания отрицания был верным, то максимум, чем он мог бы быть, так это частным случаем прямолинейного развития. А потому в качестве всеобщего закона гегелевский закон отрицания отрицания не годится. От прямой пришли к спирали, а затем снова к прямой. От логики пришли к диалектике, а затем снова к логике. Неужели отрицание отрицания? Хм!

Но если даже мы откинем предыдущие размышления о прямой и начнем рассматривать ее частные случаи развития, то почему бы нам не представить развитие не как идущее по спирали, а как идущее по синусоидальной кривой, волны которого с каждым разом становятся все больше? Опять мы натываемся на тот факт, что данный закон — это лишь обертка, с заменой которой ничего существенно не меняется. К данному закону, как и к предыдущим двум, можно отнести слова Маркса, сказанные им в «Немецкой идеологии»:

«Абстракции эти сами по себе, в отрыве от реальной истории, не имеют ровно никакой ценности (!!!). Они могут пригодиться лишь для того, чтобы облегчить упорядочение исторического материала, наметить последовательность отдельных его слоев, эти абстракции отнюдь не дадут рецепта или схемы, под которые можно подогнать исторические эпохи. Наоборот, трудности только тогда и начинаются, когда приступают к рассмотрению и упорядочению материала – относится ли он к минувшей эпохе или к современности, – когда принимаются за его действительное изображение.»

Раз уж мы здесь обсуждаем закон отрицания отрицания, то не мешало бы подвергнуть критике и саму категорию «отрицание», на которой базируется данный закон. Гегель критикует тот взгляд, будто основанием движения является пустота и говорит, что гораздо более глубокое воззрение заключается в том, что движение порождается отрицательностью. Но это на самом деле несколько не объясняет природу движения, как не объясняло бы его то, если бы мы сказали, что оно порождается положительностью. Здесь Гегель применил пустую фразу и ничего более. То, что ствол дерева в своем развитии превращается в ветки и таким образом отрицает себя, это еще ни на миллиметр не сдвигает нас с места в познании того, что действительно является той движущей силой, которая заставляет ветки расти. Точно так же можно сказать, что не ствол отрицает себя, а ветка утверждает себя. Именно на таких пустых абстракциях и строятся все рассуждения Гегеля, на абстракциях, которые можно вертеть, как угодно, но толку от которых ровно ноль.

«...способность, существующая в освобождающих себя индивидах до сих пор лишь в качестве задатка, начинает функционировать как действительная сила, или же что уже существующая сила возрастает благодаря устранению ограничения (или если сказать на языке Гегеля, то благодаря произведению отрицания). Устранение ограничения (т. е. отрицание), являющееся лишь следствием создания новой силы, можно, конечно, считать главной сутью дела. Но эта иллюзия (!) возникает лишь при следующих условиях: либо если политику принимают за базис эмпирической истории; либо если, подобно Гегелю, стараются повсюду усмотреть отрицание отрицания (!); либо, наконец, если – после того как новая сила уже создана, – начинают, в качестве невежественного берлинского бюргера, рефлексировать над этим новым созданием.» Маркс «Немецкая идеология»

Итак, рассмотрев три главных диалектических закона, на которых сделал акцент Энгельс, что можно о них сказать? А то, что они представляют собой всего лишь пустые конструкции, характерные для идеалистической философии.

Здесь я пока разбираю гегелевский вариант диалектики. Прежде, чем приступить к критике диалектики Маркса, я бы хотел пройти по некоторым тезисам Гегеля из его Малой и Большой Логик, более детально показав не только несостоятельность его метода, но и также обрисовав его действительные мыслительные способности. Покончим же мы с Гегелем словами одного немецкого философа, который дал очень точную характеристику диалектического метода. Для удобства я помечу нижеследующие размышления о Гегеле отдельной

главой. Если кому-то она покажется нудной или сложной, он может перейти сразу к следующей главе.

II

В вводной статье к Малой логике Гегеля (Энциклопедия философских наук, том 1) есть кое-какие строки, где отражена непоследовательность автора этой статьи, который, судя по всему, является представителем диамата. Я приведу абзац из этой статьи, давая свои комментарии в скобках с тремя восклицательными знаками (!!!).

«Чтобы правильно понимать истинный смысл гегелевской логики (т.е. идеалистической логики, где логика имеет реальное содержание в отличие от мира, который является ее производной!!!), прежде всего надо освободиться от того узкого понимания предмета этой науки, которое принято в пособиях по формальной логике, где логика обычно определяется как наука о формах и приемах субъективного человеческого мышления (материалистическая логика, согласно которой реальное содержание есть в реальном мире, а не в логике!!!). Согласно материалистическому взгляду на вещи, вне человеческого сознания и независимо от него существует объективный материальный мир с великим многообразием его проявлений (вещей, предметов), мир, которому противостоит человеческое познание, мышление, рассудок, разум. Познание совершается с помощью понятий, суждений, умозаключений и методов (Вот именно! И никак иначе!!!). Эти формы, в которых происходит процесс мышления человека, исследуются формальной, или, как ее иногда называют, элементарной, логикой. Она описывает и классифицирует элементы, из которых складывается процесс мышления человека. Этим обычно ограничивается ее задача (да ее задача ограничивается именно тем, что она познает все то, при помощи чего осуществляется познание!!!), хотя иногда еще добавляется, что логика ставит своей целью «научить, как надо правильно мыслить».

Гегель резко критикует так называемые основные законы формальной логики: закон тождества, закон противоречия, закон исключенного третьего, закон достаточного основания, закон разности. Он, однако же, не устраняет те логические понятия, которые несут в себе указанные законы, только иначе, диалектически их истолковывает. Он видит свою задачу только в том, чтобы сделать диалектически-текучим «вполне готовый и застывший, можно сказать, окостеневший материал» формальной логики, он хочет «вновь возжечь живое понятие в таком мертвом материале (т.е. хочет привнести в нее бога, сделать ее идеалистической, привнести содержание из мира в логику, хочет заставить текучее содержание реального мира течь в логике, в мышлении!!!)».

В речи Гегеля, произнесенной им при открытии чтений в Берлине 22 октября 1818г. звучат такие слова: *"Но теперь, когда поставлена преграда этому потоку действительности и когда немецкий народ спас свою национальность, основу всякой живой жизни, наступила пора, когда наряду с областью действительного мира может самостоятельно расцвести в государстве также и свободное царство мысли."*

Здесь Гегель сам нарушает свою философию и мыслит метафизично. Национальность у него вместо того, чтобы быть истиной в движении, преходящим моментом, почему-то становится основой жизни, чем-то вечным и predetermined. Теперь-то мы знаем, что ему лишь не хватило эмпирических фактов, чтобы понять ту вещь, что общество у людей существовало и до возникновения национальностей. Будь у него эти факты из истории, ему бы не понадобились никакие противоречия, чтобы правильно отнестись к национальностям. С другой стороны, обладая своим великим диалектическим мышлением, он и шагу не может ступить без эмпирических фактов.

"Однако недостаточно указать вообще, что духовная жизнь составляет один из основных моментов существования нашего государства, мы должны, кроме того, сказать, что здесь получила свое более высокое начало та великая борьба, которую народ в единении со своим государем вел за независимость, за уничтожение чужой бездушной тирании и за духовную свободу."

Почему Гегелю с его диалектическим мышлением не удалось увидеть противоречия в "народе", а такому грубому английскому ученому как Давид Рикардо удалось, а также социалистам того времени, которые не просто увидели противоречие, а выпятили его, показали без всякой диалектической логики?

"Философия нашла себе убежище в Германии и живет только в ней. Нам вверено сохранение этого священного светоча, и мы должны оберегать его, питать его и заботиться о том, чтобы не угасло и не погибло самое высокое, чем может обладать человек, — самосознание своей сущности." — надо бы сделать поправку, сказав "идеалистическая философия". Сам лозунг "сохранить" говорит о реакционной позиции по этому вопросу у Гегеля. Прогрессивное не нуждается в подобных лозунгах. В них нуждается то, что отживает свои последние деньки. В этом видна недialeктичность Гегеля, отход от своего метода.

В примечании к 5 параграфу в малой логике Гегель пишет: *"Так как именно мышление является собственно философской формой деятельности, а всякий человек от природы способен мыслить, то, поскольку упускается различие между понятиями и представлениями (указанное в § 3), происходит как раз противоположное тому, что, как мы упомянули выше, часто составляет предмет жалоб на непонятность философии"*

"... мышление является философской формой деятельности"... Не определяется сфера действия философии. Получается странное деление. Если физик просто наблюдает за физическими явлениями, лишь наблюдает без использования мышления, то он физик, а если он выводит закон, т. е. задействует мышление, то он философ. То, что одно перетекает в другое, это, конечно, все здорово. Но, как говорил еще Аристотель, там, где нет четких и ясных определений, там невозможно о чем-либо рассуждать.

В следующем абзаце наглядно представлена суть гегельянской демагогии, а именно постоянные подмены понятий. В 24 параграфе "Энциклопедии" Гегель говорит: *"Обыкновенно мы называем истиной согласие предмета с нашим представлением. Мы имеем при этом в качестве предпосылки предмет, которому должно соответствовать наше"*

представление о нем. В философском смысле, напротив, истина в своем абстрактном выражении вообще означает согласие некоторого содержания с самим собой. Это, следовательно, совершенно другое значение истины, чем вышеупомянутое. Впрочем, более глубокое (философское) значение истины встречается отчасти также и в обычном словоупотреблении; мы говорим, например, об истинном друге и понимаем под этим такого друга, способ действия которого соответствует понятию дружбы; точно так же мы говорим об истинном произведении искусства. Неистинное означает в этих выражениях дурное, несоответствующее самому себе."

Основная мысль здесь такова, что есть два определения истины: 1) Истина - это согласие предмета с нашим представлением (это определение распадается на два, но об этом ниже). 2) Истина - это согласие некоторого содержания с самим собой. Здесь Гегель конкретно говорит именно о двух разных смыслах. Причем первый смысл противопоставляет второму, как нечто неглубокое. Но затем приводит примеры ко второму смыслу и что мы видим? А мы видим в этих примерах именно первый смысл. "мы говорим, например, об истинном друге и понимаем под этим такого друга, способ действия которого соответствует понятию дружбы" - т.е. все-таки друг - это тот, кто соответствует нашему понятию о дружбе. Истина здесь - это соответствие предмета с понятием (причем здесь Гегель не делает разницы между понятием и представлением, в одном месте он говорит, что истина это согласие понятия с объектом, в других местах, что истина - это согласие представления с объектом). Гегель, показывая, чем же отличается второе понимание истины от первого, приводит нам пример, иллюстрирующий первое понимание. Красота!

Почему так произошло? Потому что второе понимание истины, а именно, что истина - это согласие содержания с самим собой, не имеет никакого смысла. Истина - это истина. Гегелю не нравится первое понимание истины, так как оно указывает на зависимость мышления от объекта, а ему нужно доказать, что мышление может иметь содержание независимо от каких-либо объектов, что мышление - это воплощение бога и может познавать само себя. Но когда дело доходит до примеров, он не может двигаться никак иначе, как посредством старой доброй "формальной" логики.

"Неистинное означает в этих выражениях дурное, несоответствующее самому себе. В этом смысле плохое государство есть неистинное государство, и плохое и неистинное вообще состоит в противоречии между определением или понятием и существованием предмета. О таком плохом предмете мы можем себе составить правильное представление, но содержание этого представления есть в себе неистинное." - пишет Гегель. В чем здесь подвох?

Есть два определения истины (оба из которых входят в первое более общее определение истины у Гегеля). Истина - это соответствие понятия об объекте реальному объекту. И истина - это соответствие реального объекта понятию об этом объекте. Эти два определения относятся к разным сферам деятельности человека. Первое относится к познанию того, что есть в действительности, когда человек пытается свои понятия сделать максимально приближенными к реальному миру. Второе определение относится к

практике человека, когда у него есть понимание того, каким мир должен быть, чтобы удовлетворить потребность человека, и человек начинает менять этот мир, приводить его в соответствие со своим понятием. Например, у человека есть понятие о коммунизме. И человек пытается создать его, приблизить. Т.е. пытается реальный мир привести в соответствие с понятием. Но как не крути, истина – это в любом случае отношение между понятием и объектом, как в одну, так и в другую сторону, но никак не соответствие объекта самому себе. Сам по себе объект не может быть истинен. Он просто есть, просто существует. Он может быть истинен только по отношению к понятию, как и понятие может быть истинно только по отношению к объекту. Опять же, Гегель, пытаюсь доказать вторую трактовку истины, пришел к первой.

"Только бог есть истинное соответствие понятия и реальности" – вот что пытается доказать Гегель, но что у него никак не получается сделать. Хотя и полезно то открытие, что в мире все движется и развивается, однако, пока проглядывается, что все остальное у Гегеля – это словоблудие, призванное обосновать бога... через софистику.

"Рассмотрение истины в разъясненном здесь смысле, в смысле согласия с самой собой, составляет подлинную задачу логики." – т.е. ставит заведомо невыполнимую задачу.

"На этот вопрос, в основании которого лежит предпосылка о наличии резкой противоположности между конечным и бесконечным, можно ответить лишь, что сама эта противоположность есть неистинное и что бесконечное на самом деле вечно выходит и не выходит за свои пределы. Впрочем, говоря: бесконечное есть неконечное, мы этим уже на деле высказали истину, ибо, так как само конечное есть первое отрицание, не-конечное есть отрицание отрицания, тождественное с собой отрицание и, следовательно, вместе с тем и истинное утверждение."

Тезис: "это конечное", антитезис: "это не-конечное", синтез: "бесконечное есть неконечное". Логика! Нечего сказать! "бесконечное на самом деле вечно выходит и не выходит за свои пределы" – пусть кто-нибудь из адептов гегельящины попробует эту великую мудрость, которая выше всякой формальной логики, применить на практике.

В 108 параграфе Гегель пишет: *"Например, рассматривая государство с территорией в тысячу квадратных миль населением в четыре миллиона человек, мы вначале должны будем без особых раздумий согласиться, что увеличение или уменьшение на несколько квадратных миль территории или на несколько тысяч населения не может оказать существенного влияния на строй государства. Но столь же мало можно отрицать, что при непрерывном увеличении или уменьшении государства наступает наконец такой момент, когда независимо от других обстоятельств и только вследствие этого количественного изменения государственный строй качественно уже больше не может оставаться неизменным. Конституция маленького швейцарского кантона не годится для великой империи, и точно так оказалось непригодным государственное устройство Римской республики, когда оно было перенесено на небольшие немецкие*

Совершенно неверное рассуждение. Грубые недиалектичные английские экономисты давали гораздо более правильное освещение данного вопроса, чем глубокий диалектический немецкий философ. Очевидно, диалектика не помогла великому философу осознать тот факт, что конституция любого государства согласуется не с количеством проживающих на нем людей и не с количеством занимаемой государством площади, а с уровнем развития в нем производительных сил и с производственными отношениями. Да, я понимаю, что Гегель не мог в то время пообщаться с Марксом и узнать у него все это. Однако у Гегеля была диалектика. Обладая такой чудодейственной наукой, неужели нельзя было догадаться до всего этого самому?

119 параграф: *"Вместо того чтобы говорить согласно закону исключенного третьего (который есть закон абстрактного рассудка), мы скорее должны были бы сказать: все противоположно. И в самом деле нигде: ни на небе, ни на земле, ни в духовном мире, ни в мире природы—нет того абстрактного «или-или», которое утверждается рассудком. Все где-либо существующее есть некое конкретное и, следовательно, некое в самом себе различное и противоположное."*

Снова Гегель оперирует примерами из реального мира. В "формальной" логике и не отрицается, что все изменяется и движется. Но человек не может познать это движение, не фиксируя в голове отдельные его моменты в виде абстракций. В реальном мире нет чисто белого сахара. Он имеет бесконечное множество всяческих оттенков. Но чтобы что-то сказать о сахаре, мы должны избавиться от несущественных оттенков и на время как бы зафиксировать существенный. Мы должны сказать, что этот сахар белый. Или в крайнем случае мы можем сказать, что он не белый. Мы не можем говорить, что сахар и белый, и не-белый, потому что тогда ценность данной информации равна нулю, тогда можно сказать, что объект не познан. Вернее, познано только то, что он меняется. Но это знание ни каким образом нельзя использовать на практике. Суть исследований должна заключаться не в том, чтобы открыть, что все в этом мире движется, а в том, чтобы это движение правильно фиксировать. Именно для этого и существует логика, которая у Гегеля называется "формальной". Вернее, то, что мир движется – это открытие прошлого. Нужно не обмусоливать этот факт, уже ставший тривиальностью, а двигаться дальше.

Гегель третирует "формальную логику", так как она работает только с усеченным содержанием объектов, в своих понятиях закрепляет только существенные признаки, тогда как в реальности объект обладает бесконечной текучестью, изменчивостью. Т.е. "формальная" логика не в состоянии отобразить всех свойств у объекта, а потому якобы недостаточна. Но вся соль в том, что попытаться отобразить все свойства объекта, всю его жизнь – это то же самое, как попытаться получить фотоизображение на бесконечной выдержке. Это невозможно. И то, что логика не передает всех свойств и взаимосвязей объекта – это не недостаток, а ее назначение. Ее суть – правильно ограничивать взаимосвязи и

свойства объекта для того, чтобы о нем можно было что-то сказать, как задача выдержки отсекает определенное количество света, чтобы получить изображение.

Как работает глаз человека? Он улавливает свет и отсекает от него определенные части (определенную информацию, которую несет свет), он изымает из него только существенное, иначе мы ничего не могли бы видеть. Так же работает и мышление. Все мыслить невозможно. Возможно мыслить только что-то ограниченное, усеченное. Именно в этом я пока усматриваю основное противоречие гегелевской философии.

В следующем, 135, параграфе Малой логики Гегель снова демонстрирует нам свою любовь производить логические ошибки: *"Отношение целого и частей неистинно постольку, поскольку его понятие и реальность не соответствуют друг другу. Целое по своему понятию есть то, что содержит в себе части. Но если целое будет положено как то, что оно есть по своему понятию, если оно будет разделено, то оно перестанет быть целым. Существуют, правда, вещи, которые соответствуют этому отношению, но они поэтому и представляют собой только низкие и неистинные существования. При этом следует вообще напомнить о том, что когда в философском обсуждении говорится о неистинном, то это не должно понимать так, что этого неистинного не существует. Дурное государство или больное тело могут все же существовать; но эти предметы неистинны, ибо их понятие и их реальность не соответствуют друг другу."*

Поскольку и целое, и части – это мыслительные абстракции, то и делить их можно только мысленно. Если мы делим их мысленно, то целое не перестает быть целым при делении его на части. Если же мы делим реальный объект, то никакого нарушения целостности не происходит, ибо в реальности самих по себе "целых" не существует. Если мыотрежем человеку ногу и скажем, что мы нарушили его целостность, то предварительно мы уже должны были назвать его целым, а его ногу частью, еще до отделения. И только в этом случае это будет нарушением целостности. Но делая целое нецелым, мы делаем это отношение неистинным, которое изначально было истинным. Мы сначала называли целое целым, а потом вдруг решили сделать это нецелым. Гегель говорит, что отношение целого и части неистинно. Но если оно не истинно, то как тогда у него в уме могут появляться примеры об отделении части от целого в реальном мире?

В том же 135 параграфе Гегель пишет: *"Так, например, члены и органы живого тела должны рассматриваться не только как его части, так как они есть то, что они есть, лишь в их единстве и отнюдь не относятся безразлично к последнему. Простыми частями становятся эти члены и органы лишь под рукой анатома, но он тогда имеет дело уже не с живыми телами, а с трупами. Этим мы не хотим сказать, что такое разложение не должно вообще иметь места, но что внешнего и механического отношения целого и частей недостаточно, для того чтобы познать органическую жизнь в ее истине. И если так обстоит дело с органической жизнью, то в гораздо большей мере это верно в случае применения этого отношения к духу и образованиям духовного мира."*

Это тот самый отрывок, который профессор Попов использует в качестве примера в своих лекциях. На одной из них (видео на youtube под названием "Диалектика на простых примерах") он говорил, что, проводя анализ, объект нельзя делить на части. Это недиалектично. Согласно диалектике объект нужно делить на элементы. Но что такое элементы, и чем они отличаются от частей, он не объясняет. В своем примере Попов говорит, что нельзя точно узнать, где начинается рука и кончается плечо. Но точно также мы не можем узнать, где начинается нервная система. С какой именно клетки берет свое начало первый нерв? А ведь эта клетка соприкасается с клетками других систем и совершает с ними обмен. Стало быть, нерв продолжается дальше своей первой клетки. Те вещества, которые кровь приносит нашим системам, уже несут в себе части этих систем. Если нервную систему назвать "элементом", то это все-равно не помогает нам в том, чтобы определить у нее начало. Если под "элементами" Попов подразумевал не это, а нечто иное, то тогда что именно? Против привнесения в рассуждения таких вот словечек активно боролся сам Ленин в своем труде "Материализм и эмпириокритицизм", говоря, что вопрос не может разрешиться, если просто жонглировать терминами и менять общепринятые названия на новомодные. Но профессора, которые всюду ссылаются на Ленина, начиная рассуждать о диалектике, забывают его же положения. Логика же прямо говорит, что части - это всего лишь абстракции, которые позволяют примерно обозначать те или иные составляющие определенных объектов. Люди только при помощи абстракций и могут общаться. Каждое слово в нашей речи - это абстракция, понятие, которое несет в себе наиболее общие признаки того или иного предмета или явления. Задача наук - делать понятия все более понятными, все более детализированными и полными. Но они все-равно абстракциями.

По поводу последнего предложения Гегеля в этой цитате: *"И если так обстоит дело с органической жизнью, то в гораздо большей мере это верно в случае применения этого отношения к духу и образованиям духовного мира."* - можно лишь сказать, что это совершенно необоснованный тезис. Почему вдруг "в гораздо большей мере"?

"Здесь переходят от целого к частям и от частей к целому, забывая, что каждый из этих двух членов противоположен другому, и принимая то целое, то части за самостоятельные существования" - здесь претензия Гегеля не по адресу. Если человек не учитывает, например, связи здоровья почек со здоровьем мозгов, то это - проблема всецело данного человека, а не "формальной" логики, ибо "формальная" логика как раз-таки учит всегда учитывать связь частей и целого.

166 параграф: *"Понятие есть то, что живет в самих вещах, то, благодаря чему они суть то, что они суть, и понять предмет означает, следовательно, осознать его понятие. Не наша субъективная деятельность приписывает предмету тот или другой предикат, когда мы переходим к обсуждению предмета, а мы рассматриваем предмет в положенной его понятием определенности."*

В материалистической философии человек, познавая предмет, формирует о нем понятие, т.е. свое понимание выражает через понятие. В гегелевской философии понятие изначально присутствует в предметах, а человек должен лишь понять это понятие, осознать его. Гегель, думая, что он изучает движение понятий, на самом деле изучает движение самой материи, природы, которое закрепляется в понятиях.

"Примечание. Вышеуказанному, лишь субъективному толкованию суждения, согласно которому я приписываю некоему субъекту' некий предикат, противоречит явно объективное выражение суждений: «Роза есть красная», «Золото есть металл» и т. д., – значит, не я приписываю субъекту некое свойство."

Именно, не ты приписываешь свойства. При помощи суждения ты только отражаешь те свойства, которые имеются у объекта. Не приписываешь, а отражаешь, раскрываешь при помощи суждения.

172 параграф: *"Истина же, напротив, состоит в согласии предмета с самим собой, т. е. со своим понятием."* А понятие предмету кто дает? Человек! Значит предмет не может находиться в согласии с самим собой. Он может быть только в согласии с понятием, которое ему дает человек.

"Пусть будет совершенно правильно, что такой-то болен или что такой-то украл; но такое содержание не истинно, ибо больное тело не соответствует понятию жизни, и точно так же воровство есть поступок, не соответствующий понятию человеческой деятельности."

Это понятие не соответствует жизни, зато оно соответствует угасанию жизни. А потому оно истинно. Ведь было бы неистинным как-раз утверждение, о здоровом теле в тот момент, когда оно на самом деле не было бы здорово. Про воровство я вообще молчу. Что же тогда Гегель подразумевает под человеческой деятельностью – молитвы богу?

Эти рассуждения Гегеля развились из странного утверждения: *"Истинность и правильность очень часто рассматриваются в повседневной жизни как одно и то же, и соответственно этому часто говорят об истинности некоторого содержания там, где дело идет об одной лишь правильности."*

Далее, Гегель говорит: *"Неистинность непосредственного суждения состоит, далее, в том, что его форма и содержание не соответствуют друг другу. Если мы говорим: «Эта роза есть красная», то связка есть подразумевает, что субъект и предикат находятся в согласии друг с другом. Но роза как некое конкретное не только красна, но также и благоухает, обладает некоторой определенной формой и другими разнообразными определениями, не содержащимися в предикате красная."*

Но здесь Гегель забывает свои собственные рассуждения по поводу формы и содержания, что они всегда едины и на самом деле никогда не бывает такого, чтобы содержание не соответствовало форме. И он критиковал тех людей, которые отделяют форму от содержания. Возьмем это суждение: "Эта роза есть красная". Красная – это форма или это содержание? Можно сказать, что "роза" – это форма, а "красная" – это содержание? Да, цветок также и благоухает. Но

благоухание – это отсеченная форма или это неучтенное содержание? Можно ведь сказать, что в этом суждении не хватает как формы, так и содержания в одинаковой степени? Тогда можно сказать, что та остаточная часть формы и содержания, которые излагаются в суждении, соответствуют друг другу.

"Существуют еще и другие цветы и вообще другие предметы, которые также имеют красный цвет"

Да, но ведь имеются и другие оттенки и вообще другие цвета, которые могут проявляться под видом розы.

"Субъект и предикат в непосредственном суждении как бы соприкасаются друг с другом только в одной точке, но не покрывают друг друга."

Но они и не должны покрывать друг друга, потому что суждение – это не определение.

"Иначе обстоит дело с суждением понятия. Когда мы говорим: «Этот поступок хорош», то это – суждение понятия. Мы тотчас же замечаем, что здесь между субъектом и предикатом имеет место не такое шаткое и внешнее отношение, как в непосредственном суждении. Между тем как в последнем предикат составляет абстрактное качество, которое может принадлежать, но может также и не принадлежать субъекту, в суждении понятия, напротив, предикат есть как бы душа субъекта, являющегося телом этой души, и как тело всецело определяется ею."

Но ведь если присмотреться внимательнее к этому суждению, то субъект и предикат в нем так же не покрывают друг друга. "Этот поступок хорош" – для кого? Существуют люди, слои, классы, для которых этот поступок плох. Например, чиновник взял взятку и улучшил материальное положение своей семьи. Для его семьи этот поступок хорош. Для всех же остальных он плох. Кроме того, есть полно других поступков, которые тоже хороши. И совершенно непонятно, чем конкретно этот поступок отличается от всех остальных хороших поступков. Оказалось, что эта форма суждения по сути ничем не отличается от предыдущей. Однако Гегель их почему-то противопоставляет.

173 параграф: "...«Дух не есть слон», «Лев не есть стол» и т. п., – предложения правильные, но столь же бессмысленные, как и тождественные предложения: «Лев есть лев», «Дух есть дух»."

Совершенно неверное рассуждение. Если в суждении "лев есть лев" мы совершенно ничего не узнаем нового, то в суждении "лев не есть стол" все же отбрасывается один из возможных признаков. Если мы знаем, что такое стол, то мы хотя бы знаем, в какую сторону точно не надо смотреть по методу исключения. Разница в информативности между этими суждениями, конечно мизерная, но она все же есть, а потому суждение "лев не есть стол" не столь же бессмысленное, как суждение "лев есть лев".

187 параграф: "Несмотря на манеру Аристотеля давать большое количество описательного и рассудочного материала, господствующим у него всегда остается спекулятивное понятие, и он не допускает, чтобы в эту форму перешел тот рассудочный процесс умозаключения, который сначала так определенно излагается им."

Про Гегеля же можно сказать ровно обратное. Не смотря на манеру

давать большое количество спекулятивного материала, у него всегда остаются формальные понятия, и при всем желании у него никак не получается выйти за рамки "формальной" логики.

192 параграф: *"Прибавление. В обычной логике рассмотрением учения об умозаключении заканчивается первая часть, так называемое учение об элементах. Затем следует в качестве второй части так называемое учение о методах, которое должно показать, как посредством применения к наличным объектам форм мышления, рассмотренных в учении об элементах логики, создается целое научного познания. Откуда получают эти объекты и что такое вообще мысль об объективности, об этом рассудочная логика ничего не сообщает".*

Да, потому что об этом сообщают эмпирические факты. Что бы ответил сам Гегель на это? Он бы сказал, что объекты создаются абсолютным духом. И по сути это все его возвышение над "формальной" логикой.

230 параграф: *"Что эти методы (аналитический и синтетический, прим. мое), столь существенные и увенчивающиеся таким блестящим успехом в их собственной области, не годятся для философского познания, это само собою ясно, так как они ИСХОДЯТ ИЗ ПРЕДПОСЫЛОК и познание в них носит характер рассудочного познания, руководящегося в своем поступательном движении формальным тождеством."*

Очень существенная ошибка Гегеля. Он представляет себе работу "формальной" логики, как выведение понятий из произвольных посылок. Но вся соль в том, чтобы найти правильную предпосылку и выводить понятие из нее. Если мы хотим познать сущность государства, то мы должны проследить историю его возникновения, правильно определить его род. Если мы хотим познать природу человека, то мы должны проследить, откуда он появился, должны добыть доказательства. Все знают, что человек – это не божественное существо, это не инопланетное тело и т.д. Единственно верной предпосылкой является то, что человек – это представитель млекопитающих рода Homo отряда приматов. Т.е. мы здесь берем не любую предпосылку, а точно определенную. И если из нее правильно развивать мысль, верно следовать синтетическому методу и оперировать достоверными фактами, то мы не можем получить неверный вывод. Вернее, мы можем получить максимально возможный вывод, который допускают имеющиеся факты.

Во введении «Науки логики» уже во 2-ом предложении Гегель пишет: *"Ни в какой другой науке не чувствуется столь сильно потребность начинать с самой сути дела, без предварительных размышлений, как в науке логики. В каждой другой науке рассматриваемый ею предмет и научный метод различаются между собой"*.

Рассматриваемый предмет и научный метод различаются друг от друга?! Что это значит? Как могут не различаться совершенно разнородные несопоставимые вещи? Как может, например, слон не отличаться от времени, или муха – от котлеты? *"...равным образом и содержание [этих наук] не начинается абсолютно с самого начала, а зависит от других понятий и связано с*

окружающим его иным материалом." Содержание не начинается (каков стиль!) с самого начала. А где это начало? Гегель позабыл собственную диалектику?

Далее во введении у Гегеля мы натываемся на очень важное место, которое является камнем преткновения между гегельянцами и негегельянцами. Вот то место: "Если вообще логику признают наукой о мышлении, то под этим понимают, что это мышление составляет голую форму некоторого познания, что логика абстрагируется от всякого содержания, и так называемая вторая составная часть всякого познания, материя, должна быть дана откуда-то извне, что, следовательно, логика, от которой эта материя совершенно независима, может только указать формальные условия истинного познания, но не может содержать самое реальную истину, не может даже быть путем к реальной истине, так как именно суть истины, содержание, находится вне ее." "...логика абстрагируется от всякого содержания..." - именно эту претензию предъявляют обычно к "формальной" логике. Но как же дело обстоит на самом деле? Логика посредством своих форм работает с тем содержанием, которое дано нам в ощущениях. Материя дает нам свое содержание, которое сортируется при помощи мышления. Изучение процесса сортировки этого содержания и управление этим процессом и есть задача логики. Это и есть ее содержание. "и так называемая вторая составная часть всякого познания, материя, должна быть дана откуда-то извне, что, следовательно, логика, от которой эта материя совершенно независима, может только указать формальные условия истинного познания" - именно так. Это называется материалистическим пониманием. Гегель же хочет доказать, что содержание мы получаем не от материи, а из самого духа, из мышления, а материя является лишь отражением того содержания, которое имеется в мышлении. Именно поэтому он говорит, что "формальная" логика, т.е. логика материалистов не работает с содержанием, а вот диалектическая логика, т.е. логика идеалистов - работает. Т.е. по факту Гегель все-равно, анализируя материальное содержание мышления, думает, что он анализирует собственное содержание мышления. Это идеализм. И те, кто соглашается с догмой Гегеля, что "формальная логика абстрагируется от всякого содержания", являются самыми настоящими идеалистами и соглашаются с Гегелем, что у мышления есть свое собственное содержание.

Пересказывая взгляды материалистов и как бы посмеиваясь над ними в "Науке логики", Гегель пишет: "объект есть нечто само по себе заверщенное, готовое, нисколько не нуждающееся для своей действительности в мышлении, тогда как мышление есть нечто ущербное, которому еще предстоит восполнить себя в некоторой материи, и притом оно должно сделать себя адекватным своей материи в качестве мягкой неопределенной формы. Истина есть соответствие мышления предмету, и для того чтобы создать такое соответствие - ибо само по себе оно не дано как нечто наличное, - мышление должно подчиняться предмету, сообразоваться с ним."

Здесь проблему надо обозначить более конкретно.

Противопоставление объекта мышлению бессодержательно. Мышление не может существовать без объекта, в котором оно находится, а именно без человеческого тела. И вот это человеческое тело уже и противостоит другим материальным объектам. Т.е. противостоит не мышление объекту, а один объект другому объекту. Именно объект живет, дышит, взаимодействует с другими объектами. И мышление является его инструментом и да, должно подчиниться ему, чтобы он вел успешное взаимодействие с другими объектами. Поэтому непонятна тоска Гегеля по поводу подчиненности мышления объекту. Ведь мышление – это голая абстракция. Что по ней переживать? Переживать надо по реальному живому человеку.

"а сознающий себя процесс определения уж во всяком случае принадлежит лишь исключительно мышлению."

Неверно. Само по себе мышление – это пустая абстракция. Осознает себя именно объект, мыслящее существо... при помощи мышления.

Далее, Гегель впадает в пустую демагогию, дескать раньше даже метафизика была и то более глубокой, нежели современное рефлексивное мышление. Метафизика же утверждала, "...что мышление и определения мышления не нечто чуждое предметам, а скорее их сущность, иначе говоря, что вещи и мышление о них сами по себе соответствуют друг другу", а вот современная же рефлексия утверждает, что "истина покоится на чувственной реальности, мысли суть только мысли в том смысле, что лишь чувственное восприятие сообщает им содержательность". То, что чувственное восприятие сообщает содержательность мыслям и то, что определения, которые дает мышление объектам, выражают сущность предметов, являются лишь двумя последовательными материалистическими тезисами, это увидит каждый, кто понимает, что такое материализм. Почему Гегель ставит эти два взгляда порознь и как принципиально разные, мне не понятно.

"Таким образом, логику приходится, конечно, первоначально изучать как нечто такое, что мы, правда, понимаем и постигаем, но в чем мы не находим сначала широты, глубины и более значительного смысла. Лишь на основе более глубокого знания других наук логическое возвышается для субъективного духа не только как абстрактно всеобщее, но и как всеобщее, охватывающее собой также богатство особенного"... "Таким образом, логическое получает свою истинную оценку, когда оно становится результатом опыта наук. Этот опыт являет духу это логическое как всеобщую истину, являет его не как некоторое особое знание наряду с другими материями и реальностями, а как сущность всего этого прочего содержания."

Если логика Гегеля может быть действительно понята только тем, кто уже владеет знаниями других наук, то зачем тогда она нужна? Получается, не логика Гегеля призвана служить изучению природы, а изучение природы должно быть предварительным условием понимания логики Гегеля. Вот уж метод, так метод, да еще и научный. Кстати, Гегель здесь расписался в полной импотенции своего метода, признав, что он несостоятелен без внешнего опыта, что вся система Гегеля основана на созерцании реальных движений в природе.

В параграфе "Становление" (Наука логики) Гегель говорит следующее: "Когда предполагается некое определенное содержание, какое-то определенное наличное бытие, то это наличное бытие, потому что оно определенное, находится в многообразном соотношении с другим содержанием. Для него безразлично, имеется ли другое содержание, с которым оно соотносится, или его нет, ибо только через такое соотношение оно по своему существу есть то, что оно есть. То же самое имеет место и в представлении (поскольку мы берем небытие в более определенном смысле – как представление в противоположность действительности), в связи с которым безразлично, имеется ли бытие или отсутствие содержания, которое как определенное представляется соотнесенным с другим содержанием."

Здесь по сути Гегель перечисляет факты. Все, что разумного есть у Гегеля относится к обозреванию реальных процессов движения материи. Здесь все еще нет того, что можно было бы выделить как некую особую логику и противопоставить ее "формальной" логике. Гегель говорит, что надо НАДО СМОТРЕТЬ на предмет как на такой предмет, который только через определенное соотношение с другим предметом он по своему существу есть то, что он есть? Или Гегель указывает КАК НА НЕКИЙ ФАКТ на то, что предмет только через определенное соотношение с другим предметом по своему существу есть то, что он есть? Короче говоря, мы должны смотреть определенным образом на мир, как на движущийся (что предполагало бы, что мир зависит от того, смотрим мы на него как на движущийся или нет) или мы должны просто принять сей факт, что мир движется независимо от нашего мышления, и нашей задачей является лишь отображение этого движения при помощи абстракций, нашей задачей является попросту учитывать данное движение, что мы и так успешно делаем при помощи "формальной" логики? Если второе, то можно говорить о диалектике в реальном мире, но никак не о диалектической логике, так как учет диалектики реального мира происходит при помощи «формальной» логики, при помощи фиксированных абстракций.

Далее Гегель говорит о том, что слово "единство" не подходит для того, чтобы совместить "бытие" и "ничто", так как в единстве не видны их различия. Следовало бы говорить не "единство", а "нераздельность". Но нераздельность не показывает того, что в них едино. И во всем виновата по мнению Гегеля рефлексия, рассудок, привыкший мыслить "формально". И Гегель находит выход в термине "становление", который в себе совмещает и единство, и различие бытия и ничто. Но ведь это никак проблему не решает. Слово "единство" страдало тем недостатком, что оно обозначало только общее между бытием и ничто, а их различие следовало пояснять отдельно. "Нераздельность" имело тот недостаток, что приходилось бы отдельно пояснять единство бытия и ничто. "Становление" же страдает тем недостатком, что в нем отдельно надо пояснять как единство, так и различие, что и делает в итоге Гегель. Значит слово "становление" хуже и единства, и нераздельности. Гегель по сути не решил задачу, а лишь допустил увертку. Если Гегелю претит

мыслить отдельные абстракции и он пытается всю сущность мира охватить одним словом, то существует вполне подходящее слово "материя". В нем выражено и бытие, и ничто, и наличное бытие, и нечто, и движение и т.д., и т.д. Все в одном флаконе. Чем плоха такая логика? В практической неприменимости!

Наконец, здесь мы можем увидеть то, что Гегель называет переходом из абстрактного понятия к более конкретному. И тут мы сможем проследить софизм диалектики Гегеля. Он пишет: *"Ничто, взятое в своей непосредственности, оказывается сущим, ибо по своей природе оно то же самое, что и бытие. Мы мыслим ничто, представляем его себе, говорим о нем; стало быть, оно есть; ничто имеет свое бытие в мышлении, представлении, речи и т. д. Но, кроме того, это бытие также и отлично от него; поэтому, хотя и говорят, что ничто есть в мышлении, представлении, но это означает, что не оно есть, не ему, как таковому, присуще бытие, а лишь мышление или представление есть это бытие. При таком различии нельзя также отрицать, что ничто находится в соотношении с некоторым бытием; но в этом соотношении, хотя оно и содержит также различие, имеется единство с бытием. Как бы ни высказывались о ничто или показывали его, оно оказывается связанным или, если угодно, соприкасающимся с некоторым бытием, оказывается неотделимым от некоторого бытия, а именно находящимся в некотором наличном бытии."*

Итак, ничто становится наличным бытием, потому что оно отражается в мышлении. Т.е. само по себе оно не имеет содержания. Но так как оно мыслится чем-то, что имеет содержание (мышлением), имеет наличное бытие, взаимодействует с ним, то стало быть оно находится в этом наличном бытии, является неотделимым от него, а стало быть является им самим. Это софистика. Дело в том, что хотя ничто и мыслится наличным бытием, само это наличное бытие оказывается притянутым из вне. Сначала Гегель абстрагировался от наличного бытия, показав, что ничто – это не наличное бытие, что оно равно просто бытию, и что бытие и наличное бытие надо строго отличать. Затем он просто добавил новую абстракцию, добавил к своему построению наличное бытие и появилась видимость того, что случилось развитие из ничто в наличное бытие. Но это не развитие из ничто в наличное бытие. Это не переход. Это просто восстановление в уме той связи, которая сначала была умышленно разорвана. Наличное бытие не было развито Гегелем из ничто. Оно было просто поставлено рядом и поставлено во взаимодействии. Таким образом Гегель будет и дальше ставить все новые более конкретные абстракции рядом с неконкретными, чем обычно и занималась всегда "формальная" логика. Если я, например, сначала рассуждаю о человеке безотносительно к определенной эпохе, а потом вдруг начинаю рассуждать о человеке капиталистического строя, то я не вывожу этим капиталистического человека из просто человека. Я просто начинаю рассуждать о нем в другом аспекте, в связи с другой проблематикой. Чтобы начать говорить о капиталистическом человеке, я нуждаюсь в определенных эмпирических фактах, которые позволят мне вести такие рассуждения. Без этих дополнительных фактов, нельзя будет о нем рассуждать, и он никак не выводится из просто-

человека. Точно также и наличное бытие не выводится из ничто, а появляется в уме тогда, когда осознается тот факт, что ничто мыслится в уме реально существующего человека. Если бы мы не приплели сюда мыслящего человека, то наличное бытие никак бы не появилось здесь. Разве не должен был Гегель показать развитие понятия из самого себя без приплетания сюда дополнительных эмпирических фактов?

В рассуждениях о "конечном" и "бесконечном" Гегель говорит, что разрешение их противоречия состоит не в указании того, что они едины или разделены, а в том, что они суть моменты друг друга. Но если они лишь моменты, то здесь нет никакого противоречия. Какой смысл сначала впасть в противоречие, а потом разрешать это противоречие указанием на то, что никакого противоречия нет, что они, оказывается, не противоречат друг другу, а суть лишь моменты? Как вообще какое-либо противоречие, если оно существует в реальности, может разрешаться одним лишь словоблудием? Противоречия о реальности могут появиться лишь в голове. И если мыслитель сумел разрешить это противоречие у себя в голове, то зачем уже после этого он говорит об этом противоречии вместо того, чтобы излагать действительное положение вещей?

В том месте, где Гегель критикует Канта и рассуждает о дискретности и непрерывности пространства, он сам делает много ошибочных рассуждений. Гегель говорит, что нельзя говорить, будто пространство только делимо, и нельзя говорить, что оно только непрерывно, что надо мыслить дискретность и непрерывность в их единстве. Где здесь ошибка? Если мы говорим о дискретности чего-либо, то мы говорим о реальной разделенности (не в мышлении), о разделенности определенным образом, части которой имеют определенные интервалы и т.д. Реальная разделенность и разделенность в возможности - это разные вещи. Мышление может проводить линии деления где-угодно, даже на непрерывных объектах (если бы мы даже приняли пространство за реально существующий объект). Это не говорит о том, что реальный объект дискретен, если его можно поделить в мышлении. Как говорится, не надо путать абстрактное с неабстрактным. Не надо путать возможность деления и реальную дискретность. От того, что мы мысленно наложим линию на камень или даже начертим ее карандашом, от этого камень не окажется разделенным в реальности или дискретным.

Вообще разговоры о делимости и неделимости чего-либо надо начинать вести, исходя из определенной предпосылки. Если мы будем отталкиваться от того, что есть, к примеру, некий непрерывный эфир, то тогда мы должны будем признать, что все непрерывно. Разговоры о дискретности тогда будут чисто условными и будут лишь обозначать различную форму, которую принимает материя. Т.е. на уровне мельчайших частиц материя будет непрерывной. На уровне же нашего восприятия она будет делиться. Здесь все опирается на первоначальные предпосылки. Это как рассуждать о свободе. Есть ли свобода или ее нет? Такой вопрос сам по себе не имеет смысла. Как не имеет смысла вопрос, справедливо ли все устроено или нет, хаотичен ли мир или в нем царит порядок и т.д. Сказав, что все это

находится в единстве, мы еще абсолютно ничего не скажем в этом отношении. Если мы, например, оттолкнемся от самой всеобщей предпосылки в отношении свободы простейших веществ, то ответ будет таким, что в этом мире абсолютно нет ничего свободного, что свободы не существует. Одни вещества питаются другими и не могут существовать без них. Тогда мы не должны прыгать к вопросу о свободе слова или о человеческих правах, потому что это будет прыжком от более широкого вопроса к более узкому. И здесь не проканает тот ответ, что в мире есть и свобода, и несвобода.

Можно привести и другой пример. Мир большой или мир маленький? Понятно, что абсолютный ответ на такой вопрос дать невозможно. Мы можем ответить на него только в отношении чего-либо.

Я думаю, что сказанного о Гегеле вполне достаточно, чтобы понять всю суть его философствования. Осталось дополнить это характеристикой, которую диалектическому методу Гегеля дал Адольф Тренделенбург в своих «Логических исследованиях». К сожалению, он был эклектиком и в своих исследованиях был непоследовательным. Борясь с диалектикой Гегеля, он сам через черный ход протаскивал в мышление движение и соглашался со многими гегелевскими догмами о противоречиях, об отрицании и т. д. Но это не отменяет того факта, что его характеристика в общем верна:

«Диалектика по собственным ее словам, начинает отвлечением. Ведь когда чистое бытие представляется тождественным с ничто, то выходит, что при этом мысль обратила весь полносодержательный мир в пустейшее, что только можно себе представить. Но сущность отвлечения состоит в том, чтобы элементы мысли, тесно сросшиеся в первобытном своем виде, насильно держать порознь, разлучать. Рознятое отвлечением естественно должно стремиться выйти из этого навязанного ему состояния; оторванное как часть от целого, оно должно нести на себе след того, что оно лишь часть, т.е. требовать себе необходимого дополнения. Когда последнее состоится, то, разумеется, возникнет понятие, содержащее в себе прежнюю оторванную часть. Понятие это, отступив на один шаг от первоначальной отвлеченности, пойдет тем же понятным путем и далее, пока не восстановится опять полное, действительное представление. Чем тщательнее различены будут элементы, чем точнее будет соблюдена последовательность, в какой одно понятие требует дополнения себя другим, тем яснее возникающие отсюда новые понятия будут обозначаться, как ступени. Очевидно, таким образом разовьется целый мир, – и вот, если всмотреться ближе, вся тайна диалектического метода. Это лишь искусство отделяться от первоначального отвлечения...

...Потому что отвлечению чистого бытия, первейшему из всех, не отвечает ведь ничто подобное в действительности. Это – насильственное порождение произвольно разлагающей мысли, и нигде не видно права находить в чистом бытии первый зародыш объективного раскрытия. Если упраздненные или скорее только оттесненные абстракцией представления выскакивают после одно за другим и срастаются снова, то это одно лишь воздействие природной созерцательности против насильственного расторжения. Так спокойное, неподвижное бытие тотчас же требует текущего, из

которого по обычному представлению оно впервые и возникает; текущее бытие рождает насущность; насущность, определяясь в себе, становится бытием для себя, определенность, как чистая ограниченность, – количественностью, сравнение количеств дает меру; целый этот круг бытия возникает из общего своего основания и т.д. Весь фокус диалектики заключается в нехитром этом процессе. Искусного в нем только ослепительная примесь, благо к числу почтенных сторон человеческого ума принадлежит и его свойство почитать все трудное глубоким».

III

Материалистическая теория совершенствуется, вбирая в себя все больше законов и фактов, подтвержденных исследователями. Благодаря этому расширяются и возможности логики, которая по сути является связующим элементом для информации. Чем информация более скудна, тем и возможность логики более ограничена. Как ни крути, но нельзя познавать мир одними только умозаключениями. Рано или поздно материал для осмысления кончается, и мозг исследователя нуждается в новом материале, который можно добыть только эмпирическим путем. Познает мозг изначально при помощи метода индукции. Различные данные, полученные эмпирическим путем, обнаруживают в голове исследователя некоторые закономерности. Так появляется гипотеза. В дальнейшем гипотеза либо подтверждается практикой, либо нет. Если да, то она превращается в закон, вокруг которого формируется теория. С этого момента применим метод дедукции, при помощи которого на основе открытого закона можно делать какие-то частные выводы. Но если мы хотим понять какое-то более глобальное явление, нам нужно собирать новые данные и снова применять метод индукции. Диаматики при помощи своей софистической игры слов поставили себе цель форсированно объяснить все одним махом, что индукции не подвластно. Цель понятная. Любые явления и предметы сразу становятся подвластными дедукции, а значит можно домыслить все, что неизвестно. Но, увы, не все в этом мире так просто.

После всего изложенного мы видим, что в области познания диалектика нам не дает ничего. Мы видим, что логики для познания более чем достаточно. Диалектика гегельянцев призвана объяснить наш мир, но стоит спросить какого-нибудь профессора-марксиста гегельянского толка, что представляет из себя сама диалектика, то начинаются различного рода выверты и непонятные речевые обороты. Приведу вам в качестве примера отрывок из книги "Ленин как философ", которая писалась целым коллективом докторов философских наук:

"Диалектике, в понимании Маркса и Ленина, совершенно чужда трактовка исторического закона как некоего абсолюта, действующего в одном, наперед заданном направлении. Фаталистическому объективизму старого причинно-следственного объяснения мира она противопоставляет воззрение на действительность с позиций ее преобразования, с позиций внутренних потенций, заключенных в существующей ситуации."

Давайте попробуем поразмышлять, чтобы такое могли бы означать

эти так называемые "внутренние потенции"? Объяснили так объяснили! Нечего сказать! Видимо, господа доктора наук не знают о том, что нельзя объяснять что-то посредством терминов, которые сами нуждаются в объяснении. Ведь эти «внутренние потенции» еще можно было бы как-то характеризовать во взаимосвязи с причинно-следственным объяснением этого мира. Но если эти объяснения противопоставляются, то тогда становится совершенно непонятным, что же это такое – «внутренние потенции»? Это божественная сила, которая берется из ниоткуда?

Как видно из изложенного выше, понятие «диалектика» толкуется слишком произвольно, ей не было дано правильного определения, и она бесосновательно была противопоставлена так называемой «формальной» логике. Из всех противоречивых высказываний классиков и их эпигонов можно заключить, что диалектика вовсе не является никакой наукой. Она не имеет своего метода или законов и вообще не имеет никакого отношения к мышлению. Понятия «диалектика» и «логика» нужно строго отличать, как принято отличать муху от котлеты.

И тут мы плавно подошли к марксистской диалектике. К слову, Маркс никогда не говорил о существовании диалектической логики. Нигде вы у него такого не найдете. И уж точно никогда ему не приходило в голову противопоставлять эту логику «формальной» логике. Сам же он всегда пользовался именно «формальной» логикой и преследовал своих идеологических противников за ее несоблюдение. Доказательством могут послужить вот эти его слова из «Немецкой идеологии»: *«Штирнер снова прибегает здесь к старой философской уловке, к которой мы еще вернемся. Философ не говорит прямо: Вы не люди (заметьте, требование формальной логики – говорить прямо, $a=a$). Он говорит: Вы всегда были людьми, но у Вас не было сознания того, что Вы такое, и именно поэтому Вы и в действительности не были истинными людьми. Поэтому Ваше явление не соответствовало Вашей сущности. Вы были людьми и не были ими.»*

Ведь это и есть метод Гегеля, диалектический метод. И как видим, Маркс над ним посмеивается. Кто читал 4 том «Капитала», тот видел, что Маркс постоянно указывает на те логические ошибки, которые совершали предыдущие экономисты. Никогда он не пренебрегал «формальной» логикой, как это делают современные коммунисты. Никакой диалектики как науки о мышлении для Маркса не существовало (под мышлением я, конечно же, здесь имею ввиду процесс постижения мира в понятиях, а не физиологический процесс). Диалектикой он считал движение и развитие материального мира через противоречия. У Гегеля через противоречия двигались понятия, у Маркса же через противоречия движется материя. Вопрос не в том, движется ли материя. Вопрос в том, движется ли она через противоречия. Я попытаюсь показать, что это ложный взгляд, что никаких противоречий в мире не существует. А потому не существует и никакой материалистической диалектики.

Противоречие может казаться только до тех пор противоречием, пока неизвестна предпосылка изучаемого явления. Как только становится известна предпосылка, противоречие тут же исчезает и выясняется, что на деле был лишь конфликт интересов, но никак не

противоречие. Явления имеют видимость противоречивости только до тех пор, пока не поняты. Что такое противоречие? Это несоответствие какого-либо утверждения или понятия об объекте другому утверждению или понятию об объекте. Например, если я говорю, что передо мной лежит зеленое яблоко, а на самом деле всем известно, что оно красное, то я впадаю в противоречие с общепринятыми понятиями об этом яблоке. Либо если яблоко действительно зеленое, и я говорю, что оно зеленое, а все остальные говорят, что оно красное, то все эти остальные люди впадают в противоречие со мной или с правильным пониманием. Даже если мы все ошибаемся, но говорим противоположные вещи, то мы впадаем в противоречие друг с другом. Если же объект познан, и я делаю о нем правильное утверждение, то противоречие устраняется. Мои слова больше не противоречивы. Они не противоречат ни словам других людей, выражающих правильный взгляд на эту вещь, ни моим каким-то другим взглядам, которые раньше противоречили этому взгляду. Сами же изучаемые объекты не обладают какой-либо способностью выражать мнения, они не имеют речи, не имеют мысли. Они просто есть. Поэтому они не могут противоречить чему-либо или состоять из противоречивых элементов. Они могут только взаимодействовать. Противоречия выражают взаимодействие мыслей людей о мире. Физические же, химические и прочие подобные понятия – выражают взаимодействие реального мира. Если мы говорим, что люди общаются, то о телах мы должны сказать, что они взаимодействуют, отталкивают друг друга, притягивают и т. д. Но мы не можем сказать, что они общаются. Либо если даже мы говорим об общении между людьми, то нужно отличать противоречия слов их намерениям и конфликт между намерениями, противоположность интересов. Даже между понятиями «противоположность» и «противоречие» есть разница. Надо строго отличать эти вещи и не смешивать их. Подобную ошибку совершают сторонники Концепции Общественной Безопасности, когда они техническими терминами пытаются описать весь мир, или социал-дарвинисты, когда весь мир они пытаются описать или объяснить исключительно биологическими терминами или через биологические законы. В крайнем случае мы можем какое-то несоответствие интересов или явлений называть противоречием в качестве художественного образа, для придания определенной стилистики своим словам, что, кстати, часто и делал Маркс в своих произведениях. Мы же говорим, что природа властвует над нами или, например, что любовь дает нам силы. Но мы не понимаем это буквально и не оформляем в какие-то законы. Мы знаем, что это лишь фигуры речи. Так же дела обстоят и с противоречием в природе, к которому коммунисты почему-то отнеслись слишком буквально.

Пример, борьба классов. Стандартное якобы противоречие – пролетарий и капиталист. Они в одно и то же время и в антагонизме, и едины, так как друг без друга не могут. Капиталисту нужен пролетарий, а пролетарию нужен капиталист. Но антагонизм у них не такого рода, как если бы они одинаково хотели от него избавиться, но по каким-то причинам этого не делают. Антагонизм у них такого рода, что одному это выгодно, а другому нет, и один держит на

привязи другого и подчиняет его жизнь себе. Это можно сравнить с взаимодействием крестьянина и пшеницы. Крестьянин не мог прожить без пшеницы, а пшеница не могла выращиваться без усилий крестьянина. Но получая жизнь от крестьянина, пшеница им же и уничтожалась, т. е. поедалась. Однако мы это не называем противоречием. Одно выступало предметом воздействия другого, условием его жизни. Когда мы подчиняем что-либо себе, обращаем себе на пользу, то тем самым мы вступаем с ним в единство, но при этом не всегда приносим пользу ему, а, наоборот, зачастую даже вред. Капиталист использует пролетария как сырье, как условие для производства своей жизни, для производства себя как капиталиста. Было бы противоречием, если бы он, будучи капиталистом, так не поступал. Мысль о капитализме без эксплуатации – вот где было бы противоречие. Когда же все происходит так, как и должно происходить в условиях капитализма, то какое же это противоречие? Пока же индивид является пролетарием и пока его эксплуатируют, в этом тоже нет никакого противоречия. Его бытие в качестве пролетария, соответствует тому, как с ним поступают. Собственно, единство капиталиста и пролетария в том и заключается, что один эксплуатирует другого. Их единство как капиталиста и пролетария выражает антагонистические отношения между ними, т. е. соответствует им. Было бы противоречием, если бы они состояли в тех же самых отношениях, но не были бы пролетарием и капиталистом. С другой стороны, они могли бы быть едиными без того, чтобы один эксплуатировал другого. Но тогда они бы и не назывались капиталистом и пролетарием. Когда говорят, что они находятся в антагонизме (т. е. борются друг с другом) и одновременно находятся в единстве (т. е. нуждаются друг в друге), то упускают из виду, что их антагонизм не просто какой-то антагонизм, а антагонизм специфический, вытекающий из их единства, которое также является не просто единством, а единством специфическим, единством, образующимся в условиях капитализма. Не было бы этого единства, не было бы и этого антагонизма.

Часто против формальной логики выдвигают тот аргумент, дескать, она объясняет, как формируются понятия о реально существующем мире, но что она ничего не может сказать по поводу того, как формируются понятия о будущем, откуда берутся понятия, объектов которых еще не существует в реальности, но которые еще только предстоит создать. Например, Маркс дал не только понятие реально существующего капитализма, но также и понятие (скажем так, «научного») коммунизма, которого в то время еще не существовало. Откуда же взялось это понятие (или идея)? Понятие было в то время, когда объекта этого понятия еще не существовало. Это дает диалектикам основание выдвигать тезис, что мышление не является просто отражением действительности, но также является активно действующим агентом, способным создавать понятия из самого себя при помощи диалектических законов, а уже потом приводить реальные объекты в соответствие с этими новыми понятиями. Как же обстоят дела на самом деле?

Мышление является инструментом человека в его практической деятельности. Его потребности побуждают его изучать мир для того,

чтобы изменять его в нужную сторону, адаптируя под себя. Мы видим, что изначально стимулом для практической деятельности человека являются именно потребности. И понятия будущего состояния мира вырабатываются не абы какие, а в соответствии с потребностями. И вытекают эти понятия из тех понятий, которые были получены при изучении реального мира, и которые были сопоставлены с потребностями определенного человека или общества. Мы видим, что эти понятия не самопорождаются диалектическим путем из других понятий, а являются синтезом понимания человека собственных интересов с теми понятиями, которые он получил в ходе исследования реально существующего мира (может показаться, что эти рассуждения следовало бы поместить туда, где я разоблачал гегелевскую диалектику, а не марксистскую. Но проблема в том, что в самой марксистской диалектической теории проскальзывают эти гегельянские нотки, которые выражаются в том утверждении, что мышление не только отражает мир, но и занимает активную позицию в его преобразовании, заблуждение, заключающееся в том, что смешивают мышление с реальным живым человеком, имеющим потребности). Если, например, наемный рабочий понял, как устроен капитализм, т. е. получил понятие о капитализме, то к этому еще прибавляется осознание своего собственного места в капитализме, своего непосредственного материального интереса. В данный момент то понятие о капитализме, которое он имеет, является истинным понятием, соответствующим самому капитализму. Но из синтеза этого понятия с положением самого этого рабочего в данном обществе, с его материальным интересом, появляется новое понятие, понятие того, каким должно быть общество, чтобы удовлетворить этот интерес, появляется понятие коммунизма. В этот самый момент появляются новые отношения истинности. Понятие капитализма является истинным (эту истину я называю субъектной), потому что оно соответствует тому состоянию общества, к которому применяется. Но само общество не истинно по отношению к тому понятию, которому оно теперь должно соответствовать. Задачей этого наемного рабочего теперь является привести данное общество в соответствие с новым понятием, сделать это общество истинным (эту истину я называю объектной) по отношению к новому понятию. При изучении действительности мы стараемся привести наши понятия в соответствие с ней. При практической деятельности мы саму действительность стремимся привести в соответствие с новыми понятиями. Не будь такого фактора как материальные интересы человека (индивида, класса), который бы вносил коррективы в полученное понятие о действительности, не было бы и никакого подобного нового понятия. Не могло бы это понятие конструироваться само из себя, через мифические «отрицание» и «становление». У капиталистов другие материальные интересы. А потому и подобные понятия о том, каким должен быть мир будущего, у них тоже другие. Много ли вы знаете капиталистов, которые признают коммунизм неизбежным и не считают его всего лишь философией бедных или чем-то надуманным? Много ли вы знаете представителей высших слоев, которые бы признавая коммунизм на словах, всячески не препятствовали его реализации?

Зная это, появляется соблазн данное отношение между новым

понятием и старой действительностью назвать противоречием, которое, якобы, нужно устранить практической деятельностью. Но при более внимательном рассмотрении мы видим, что и тут нет никакого противоречия. Это понятие ни с чем не спорит. Оно не встает в какую-либо оппозицию к существующей действительности. В этой оппозиции находится реальный индивид со своими материальными интересами. Само же понятие лишь выражает определенное состояние действительности, то, какой должна стать действительность. Но даже если бы мы и признали это противоречием, то что же тогда это означало бы? А лишь то, что противоречия если где и существуют, то только там, где есть понятия и рассуждения, т. е. там, где есть мышление. С появлением человека на Земле зародился такой феномен как противоречие. Поэтому как логически, так и фактически неверно искать его вне пределов человеческого общения, искать в природе, в космосе или еще где бы то ни было, как это делают Энгельс и все остальные марксисты.

Таким образом, если мне удалось показать, что реальные процессы не носят в себе никаких противоречий, то соответственно можно сказать, что и нет никакой диалектики. Мир движется, мир развивается, элементы природы взаимно перетекают друг в друга и друг другом взаимно обуславливаются. Но нет никакой необходимости называть эти процессы диалектическими, потому что сам этот термин должен символизировать о наличии противоречий.

IV

То, что диалектика совершенно непригодна в разрешении противоречий, можно проиллюстрировать на примере самого Маркса, который в молодости придерживался идеалистических взглядов. В своей докторской диссертации «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» он называет Эпикура величайшим просветителем своего времени и пытается доказать, что он был объективнее, чем Демокрит. В главе о качестве атома ставится дилемма, имеют ли атомы качества и свойства или не имеют? Маркс пишет по этому поводу вот что:

«Обладание свойствами противоречит понятию атома (понятию, согласно которому атом есть неделимое основание всего мира); ибо, как говорит Эпикур, всякое свойство изменчиво, атомы же не изменяются. Тем не менее логически необходимо наделить их таковыми. Ибо многочисленные атомы отталкивания, отделенные друг от друга чувственным пространством, необходимо должны непосредственно отличаться друг от друга и от своей чистой сущности, т. е. обладать качествами.»

Как раз-таки логически было бы правильным делать выводы из оснований, а не расправляться с противоречиями, подменяя сами основания. Понятно, что из того понятия атома, которое существовало во времена античности, т.е. как неделимого элемента природы, никак нельзя было бы заключить о различии их свойств, потому что различие свойств указывает на различную структуру атомов, что в свою очередь указывает на то, что атомы состоят из еще каких-то элементов. Если же мы говорим об однотипности атомов

и об отсутствии у них свойств, то тогда мы не можем объяснить то разнообразие мира, которое наблюдается нашими глазами. Марксу этот вывод не нравится, и вместо того, чтобы подвергнуть критике само понятие атома, которое тогда существовало и таким образом устранить противоречие, он просто совмещает два несовместимых основания и пытается прикрыть все это диалектической фразеологией. Вернее, это совмещение делает не Маркс, а Эпикур, а Маркс лишь все это описывает гегельянской манерой болтовни.

«Атомы составляют, правда, субстанцию природы, из чего все возникает и на что все распадается, но постоянное уничтожение мира явлений не приводит ни к какому результату. Образуются новые явления, но самый атом, как нечто прочное, всегда остается в основе. Поскольку, следовательно, атом мыслится сообразно своему чистому понятию, его существование есть пустое пространство, уничтоженная природа; поскольку он переходит в действительность, он низводится до материальной основы, которая, являясь носителем мира многообразных отношений, никогда не существует иначе, как в безразличных для нее и внешних формах. Это – необходимое следствие, так как атом, мыслимый как абстрактно-единичное и законченное, не может действительно проявить себя в качестве силы, идеализирующей это многообразие и пронизывающей его собой.»... «Философское отличие Эпикура от Демокрита заключается именно в том, что первый рассматривает и объективирует противоречие в этой его предельной заостренности, различает, таким образом, атом, становящийся основанием явления, в качестве «элемента», от атома в том виде, как он существует в пустоте, в качестве «первоначала»; Демокрит же объективирует только один момент. Это то же самое различие, которое в мире сущности, в царстве атомов и пустого, отделяет Эпикура от Демокрита. Но так как только наделенный качествами атом является завершенным, – ибо мир явлений может произойти только из завершеного и ставшего чуждым своему понятию атома, – то Эпикур выражает это так, что только наделенный качествами атом становится «элементом», или что только «неделимый элемент» наделен качествами.»

Итак, перед нами два вида атомов: атом, являющийся основанием явлений и имеющий свойства, и атом, существующий в пустоте, без свойств. Если такое различие действительно имеется, то тогда никакого противоречия между сущностью (или понятием) атома и наличием у атомов свойств нет, ибо свойства здесь имеются не у того типа атомов, которые согласно своей сущности не должны иметь свойства. Противоречие возникает тогда, когда начинают разглагольствовать об атомах, находящихся в пустоте в качестве «первоначала» и переходящих затем в действительность в виде материальных элементов и, как следствие, приобретающих свойства. Но действительно ли это противоречие? Или более правильным было бы назвать это философской галиматьей?

Мы видим, что идеалист вместо того, чтобы искать правильные основания для своих рассуждений (а поиск этот невозможен без помощи эмпирии), предпочитает притягивать за уши нужные ему выводы. И лучшим инструментом для этого является как раз диалектика. Ведь куда легче расправиться с проблемой при помощи

таких словечек как «становление», «чистое понятие» и прочего гегельянского словоблудия, чем изобретать специальные приборы для исследований, отслеживать движение мельчайших частиц при тех или иных условиях, короче, заниматься эмпирическими исследованиями. Мы видим, что не смотря на наличие в арсенале Маркса такого чудодейственного инструмента как диалектика, Маркс вслед за «величайшим просветителем» Эпикуром так и не разрешает вопрос, имеют ли атомы свойства и качества. Он лишь совершает стандартную гегельянскую увертку, согласно которой получается тот вывод, что атомы и имеют свойства, и не имеют их.

«Эпикур объективировал противоречие в понятии атома между сущностью и существованием и, таким образом, дал науку атомистики, между тем как у Демокрита нет реализации самого принципа, а только фиксируется материальная сторона и выдвигаются гипотезы для нужд эмпирии.»

Выше было показано, что Эпикур в науке атомистики (касаемо того, чего хотел Маркс), как и Гегель в науке логики, не дал ничего. Маркс здесь довольно пренебрежительно высказывается об эмпирии, следствием чего оказываются такие скудные результаты у него по теоретической части. Стоит сравнить это с более поздними годами его творчества, когда он радикально меняет свои взгляды и начинает изучать действительные отношения в обществе, прибегает к самой что ни на есть настоящей эмпирии, изучает все до мельчайших деталей. При этом вы уже не найдете у него гегельянских словечек и оборотов – везде строгая формальная логика. И как это ни странно, именно тогда Маркс начинает делать потрясающие открытия в различных областях общественнознания.

Тогда из-за чего же весь сыр-бор? Почему некоторые марксисты погружаются в фанатичное изучение гегелевских трудов и распространяют везде информацию, будто бы, не изучив Гегеля, нельзя быть настоящим марксистом, хотя Марксом была неоднократно показана спекулятивная сущность гегелевской философии? Корни этого феномена растут как минимум из двух источников. Первый источник – это Энгельс, который в своих последних трудах («Анти-Дюринг» и «Диалектика природы») неосновательно поверил Гегелю и противопоставил диалектику «формальной» (аристотелевской) логике. Почему он так поступил, в данный момент мне понять трудно. Анализ его суждений показал, что в этом вопросе он был неправ. Примечательно, что Маркс за всю свою жизнь никогда таких противопоставлений не делал. Как я уже говорил, в своих теоретических построениях он гегелевские триады не использовал, а ссылаясь всегда именно на ту самую так невзлюбимую Энгельсом «формальную» логику. Второй источник – это знаменитые слова Ленина из его «Философских тетрадей»: «Нельзя вполне понять «Капитал» Маркса, и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв всей Логике Гегеля.» На первый взгляд может показаться, что здесь Ленин действительно рекомендует сначала проштудировать всего Гегеля, а только потом приступить к изучению «Капитала» Маркса, чтобы понять его «вполне». И марксисты-гегельянцы, действительно так и понимают эти слова, и, преисполненные чувством гордости за то, что они кардинально отличаются от всех остальных марксистов, берущихся

сразу изучать «Капитал» и проникшиеся чувством собственного величия, бегут штудировать Гегеля и вбирать в себя весь его шлак. Но если присмотреться к словам Ленина более внимательно, то не окажется ли, что они означают нечто совершенно другое? Ведь сам Ленин начал изучать труды Гегеля лишь когда ему стукнуло 44 года. Хотя на протяжении 20 лет до этого он писал замечательные марксистские труды, демонстрировал великолепное знание «Капитала». Получается, этой фразой Ленин решил расписаться в том, что он все это время понимал «Капитал» Маркса не вполне? Значит, где-то в его трудах марксистский анализ не вполне верен? Я был бы очень рад, если бы кто-то указал на его конкретные ошибки, дабы я убедился, что Ленин действительно понимал «Капитал» не вполне.

Подойдем к проблеме с другой стороны. Во времена Маркса и Энгельса «всю логику Гегеля» (вернее, всю его демагогию) понимали, пожалуй, только они. Следовательно, никто кроме Маркса и Энгельса не мог понять «Капитал» Маркса, и особенно его 1 главы». Что же тогда получается? Маркс писал свое произведение вовсе не для рабочих, а для себя? Получается, он писал в стол? К такому выводу мы должны прийти, если примем неогегельянскую трактовку слов Ленина. Но в действительности, Маркс, конечно же, писал для широкой публики, писал в надежде на то, что его труд поможет изменить мир, станет оружием в борьбе рабочего класса. Понятно, что книга никогда не станет таким оружием, если ее не смогут читать и понимать. И она, действительно, написана вполне понятным языком. И тяжесть усвоения материала зависит не от способа изложения его Марксом. Он-то излагал все предельно доходчиво, чтобы понял самый тупой. Тяжесть усвоения обусловлена сложностью самого предмета. Экономика и ее категории еще никому не давались с наскока.

Так что же тогда все-таки имел в виду Ленин? Его фразу вполне можно было бы проинтерпретировать в том духе, что если вам удастся понять «Капитал» Маркса, а в особенности его 1 главу, то вы автоматически проштудируете и всего Гегеля, потому что в «Капитале» Маркса есть все самое ценное, что есть у Гегеля, а именно диалектика, именно тот факт, что любое явление надо исследовать в процессе развития. Специально учить Гегеля вовсе не обязательно, ибо все остальное у Гегеля – ШЕЛУХА. Именно так отзывался Ленин о Гегеле, когда писал свой труд "Что такое друзья народа?".

Эта интерпретация слов Ленина принадлежит французскому философу Луи Альтюссеру, которую он дал в своем докладе «Ленин и философия». Можно было бы не сомневаться в том, что Ленин действительно выпроводил Гегеля вон из науки, если бы не тот факт, что в своих более поздних статьях он, наоборот, призывал изучать Гегеля и развивать его диалектику. Вообще, подобные повороты и двусмысленности в идеях великого революционера следовало бы изучать отдельно. В рамки данной работы, такие исследования, к сожалению, не вмещаются. Является ли это простой непоследовательностью или же это следствие определенной ситуации, сложившейся к тому времени в партии, и элемент определенной политики – в данный момент я не решусь сказать. По крайней мере

ясно одно — мы не должны полагаться на авторитеты, а должны разбирать любой вопрос по существу. Маркс, Энгельс и Ленин были гениальными людьми. Но они были людьми. А людям иногда свойственно ошибаться. Если мы говорим, что они гениальны, то мы не распространяем эту гениальность на каждое их слово и не начинаем на них молиться, слово последователи Иеговы, а стараемся уяснить, в чем именно заключается их гениальность. Если мы признаем определенные открытия Маркса, то мы признаем их не потому что он был Марксом, а потому что они были им доказаны и в дальнейшем неоднократно проверены практикой. Если мы сомневаемся в чем-то, то мы не должны успокаивать себя тем, что ведь это же написал Маркс. Какими бы великими не были авторитеты, но факт остается фактом — диалектики так и не смогли представить удобоваримого инструмента, который бы не нужно было как-то толковать и очищать от мистификаций, а который можно было бы использовать. И если кто-то вместо того, чтобы разработать эту методику и представить ее на суд общественности, до сих пор разглагольствует о том, что ее надо разрабатывать и вычленять из «Капитала» Маркса, то я в свою очередь говорю, что это как минимум несерьезно.